

почитаемой Библии — глумящим и мезенщарам.
 Вн. „Gufferta nicht d'kan Mannab“ (История голландца
 человека, замь мае 1794 г.) — оны осмысленно преу.
 величней самобожнаго едик; вн. „Lavan mit Kai,
 пинги и d' Sempronius Gindibert“ ^{игумн диттун прихоложен} (Мизмъ и Маловидъ
 Рампронидъ Турндидеръ ^{ит. немецкаго философа} замь мае 1795 г.) оны образъ,
 ередъ прозубъ Канзован философин, козорон оны
 не поидно. Канпрозубъ сло, „Gufferting und die Raif
 Tausch und die d'roniz“ (Описание нутемсвудъ
 по Германии и Швейцарии, замь мае 1783-96 г.) для
 ознакомленій ^{по} политическими и литературными со-
 стовидями, какъ и его биографическая сочиненія
 объ Дв. Фромма-Кленеръ (замь мае 1760 г.), Абдзга (замь
 мае 1767 г.) и о Мозеръ (замь мае 1799 г.) и многое дру-
 гое не буть знаменія. Но изумительно и непонят-
 но, какъ могъ Николай неосознанно пародировать
 уваженіе Тердера къ родной старинной и народной
 поэзии, между прочь какъ Тезе называлъ „Идеи“
 Тердера своимъ незорическимъ евангелиемъ, какъ
 могъ Николай рѣшился пересмѣливать въусть къ
 народнымъ пьесамъ и Вергера, и пересмѣливать
 языкъ нескладно и языкъ глупо? Нескладное на,
 падение умало назадъ на самого абзора; оны на,
 всегда минимедъ эрезическаго кредита. Какъ уже
 сказано, Николай основанъ въ 1765 г. какъ бы въ
 видъ продолженія и расширенія литературнаго
 писанья „Allgemeine Deutsche Bibliothek“, заведеніе
 для рецензій, которое распростиранялось на всеоб-
 ластн литературы, предерманное до 1786 года и при-
 несло голландско небутомую пользу для эрезического

образования Германии, между тем как область философии и религии оно было связано с ее неутолимой энергией и громадными усилиями боролось против всякой геологической опеки, против неслыханности и суетности. Чаще упоминаемое, Описа, не путешествовал по Германии и Швейцарии Кюхельланд охватывало многие земные уголки и взором издававшейся им „Berlinische Monatschrift“ (берлинский ежемесячный журнал).

Йоганн Энгель (Joh. Jak. Engel) ^{1741 г.} родился в Пархимо, где его отец был пастором, учился в уни-верситетах в Ратзбурге и Лейпциге (1762), сразу вскоре издал как писатель; с 1776 г. был профессором-преподавателем в Фохимсгаге, своей гимназии в Берлине, призывом и военным, земель Фридриха Вильгельма III, с 1787 года директором Берлинского театра, позднее членом Ака-демии наук, с 1794 г. жил без должности в Шверине, в 1798 г. опять в Берлине и умер в 1802 г. в Пархиме, при посещении озера в этом городе.

Энгель — ^{баронетом} преимущественно философ, а Фохимсгаге по-прежнему сопоставляет природу — науку. Своим „Das Philosoph für die Welt“ („Светские философы“, Берлин, 1775—77. II.) ^{открыто} (заключив длительный ряд независимых самостоятельных изданий, в своей „Wemik“) и в ряду памфлетных статей развили от реалистическую эстетику. Его „Lobworte“ о Фридрихе Великом („Lobworte auf Friedrich II.“ Берл. 1781) — образец риторического изображения.

его драмы (komedien): „Recht und Gerechtigkeit“ (Закон и справедливость), „Die Falschheit“ (Ложь), „Das Innere des Bösen“ (Внутренний человек), „Die Spiegelung“ (Княжеское зеркало) и др. слагается преимущественно подростками и детьми Лессинга, слагая вершинного Лессингова развудия „Miss Sara Sampson“. Гораздо выше (Августа Лафонтена и др.) фадриковиды изданий сроду романа Энгель „Herr Lorenz Stark“. Кроме того Энгель издала-составила низику и филозофически сроду („Philosophische Briefe“).

Энгель оставила между собой, теперь за, связи сочинениями, две до сего поры чуждыми книги: „Связские философы“, в которой верного, поряд границевидно классическое разговора и раз-сказа (напр., „Ein Gespräch mit Antiphanes“ - Мецера на Ант, зипаросте, „Kritik der Las Casas“ - Проспора Las Casas'a, „Tobias Witt“ - Möbius Wunder, „Träume des Galilei“ - Сонна Талмлеи и сроду другие мисазелен), словами, в этой книге созрочно разобраны вопросы об ис- кусстве, нравственности и философии, - и романа „Лоренц Штарк“, называет характеристики секой ной немецкой жизни. Терой романа германский, раздогодавший приключениями и беремилвоскресно купца, но озноядущийся к своему смыслу германский германский и подозрительно, хотя смысл закой этой пре- красный человек. Недоразумения между ошибками и смыслами разрешаются впрочем к концу романа, полного прекрасными сценами и картинками. В этом романе како будто чуждыми слабыми озносовыми Лессинга и зрительностью доурикура

тезисами средсвами; поэтому то и здесь раземизова,
 еред на угрожаемость и доходить даме до того, что
 если кто-нибудь проливает слезы, то уже за-
 плочаеть нѣ этого о своемъ превосходномъ серд-
 цѣ, и всеобщее зоро, но выражениемъ авзора, его
 слезы сражовъзетъ, насъодившии слезами радости.
 Ангель превосходный срилмеръ. Онь правилени,
 асемъ, со вкусомъ и красноречивъ.

Госидръ фронъ Гомсенфельдъ (Joseph von Sonnen-
 feld) родилетъ въ 1733 г. въ Николсбургъ въ Мора-
 вии и умеръ 1817 г. Онь названъ Вомскимъ Лесъ,
 ситгольмъ - Lessing Wien's. Онь саралетъ дѣйствоватъ
 просвѣтителенными и эстетически образовательными
 образамъ, издавая во время царствования Марии
 Терезии журналь, Das Wiener ohne Ansehen der Person (Телъ,
 вѣтъ безъ предразсудковъ) и, Briefe über die Wiener-
 sche Schickung (Писема о Вомской сценѣ (театрѣ)).
 Какъ позъ фронъ Гомсенфельдъ - немецкй, ружо,
 русскй.

1733 + 1817.

Въ школѣ Лессинга въ нѣкоторомъ ознакомиѣ
 можно приписать еще нѣкто уже извѣстныи нѣ,
 саралетъ-позровъ, какъ-то: Крисциана-Феликса Вей-
 се, фронъ-Браве и Эв. фронъ-Кисельга. Старый другъ
 Лессинга, Кр. Фр. Вейсе, саралетъ, какъ мы знаемеъ,
 у кого училъсѣ. Молодой фронъ-Браве развилетъ по
 его образцу. Эвальдъ фронъ-Кисельга, саралетъ его близкимъ
 другомъ, бросилетъ подъ его руководствомъ отсаралетъ.
 нуро позму и перешелъ къ болѣе богатой дѣйствѣ-
 емъ поэзи, о гелъ свидѣтельсвуецъ, напр. его Тра-
 гедия, Сенекка. Вообще посылъ Лессинга, во время

правления Фридриха Великого изъ Берлина не
было больше сильнѣе философскія и науч.
жизнь империализма. Сила немецкаго просвѣщенія,
нѣтъ сомнѣнія не въ Берлинѣ, а въ Кенигсбергѣ,
Веймарѣ и въ другихъ мнѣздѣ - городахъ, а ея
главные носители называются не самодержавныя мен.
деиссоновъ и Николай, а Лессингъ, Камъръ и иже.

Нурная сфера.

"Періодъ бурн и нариска" (Континент
Эпоху - рачота), періодъ гениальности, или
Литературная революція и просвѣщеніе.

(с 1770 до соединенія Шиллера съ Гете ¹⁷⁹⁴ 1797г.)

Появленіе, высунутое изъ лапы ^{происшествіе} рѣды продукт.
нѣтъ сомнѣнія себѣ дорогу къ развѣтн и призома въ нѣхъ
исходнаго нумизма и цѣлѣхъ совершеннаго про.
живоположенія кауру или характерова качало
еще около середины XVIII столѣтія Бугаръ, раз.
Бугаръ въ нѣхъ немецкое общество, немецкій миръ.
Когда литературное развѣтн захватывало все новѣе
круги и еднѣлалось движущей силой, то произо.
шло и болѣе социальное - общественное движеніе,
внѣшнѣ преобразившее немецкую жизнь во вѣтнхъ
являющихся и озноменія хн. "Просвѣщеніе", про.
жившее впервые ^{краснѣнское} общество, возно,
силосъ до зрѣнѣнъ и еднѣнѣнъ способствующія
нововведенія еднѣнъ ^{развѣтнхъ} въ болѣе широкія
немецкія государства, и была, вопреки ^{развѣтнхъ} заблужденія,
нѣтъ сомнѣнія и выходящая, благодѣнѣнъ. Между тѣмъ каю
борьба эднѣнъ еднѣнъ съ ускартѣнѣнъ злоупотребленія,
нѣтъ сомнѣнія еще продолжалась и нѣтъ сомнѣнія очень

упорное сопротивление, ⁷⁰ возбудилось во стране, где, едва одновременно чувствование-убождение о него, сраженье, ижезони (искусство) и скупости всего простонародного образования. ~~Княжеская~~ ~~моло-~~
 десть между ^{забыто} ~~у~~ ~~как~~ ~~княжеская~~ ~~молодежь~~ ~~на~~
 чина ~~высоко~~ ~~того~~, что ей, ~~дальнейшему~~ ~~не~~ ~~дава-~~
 ло, ~~искаже~~ ~~удовлетворения~~ ~~во~~ ~~поэзии~~, ~~то~~ ~~она~~ ~~с~~ ~~од-~~
 ной ~~стороны~~ ~~открыла~~ ~~болшие~~ ~~богатый~~ ~~мир~~ ~~чувств~~,
~~ваций~~ ~~и~~ ~~большую~~ ~~первоначальную~~ ~~жизни~~ ~~потуже-~~
 еских ~~соображений~~ ~~и~~ ~~предметы~~ ~~сражаний~~, а с
 другой ~~стороны~~ ~~сражались~~ ~~поэтически~~ ~~производить~~
 подобный ~~дальнейший~~; между ~~у~~ ~~как~~ ~~с~~ ~~одной~~
 стороны ~~распространяется~~ ~~убождение~~, ~~то~~ ~~ведь~~
~~исключая~~ ~~поэзия~~ ~~должна~~ ~~выскажет~~, ~~высказывая~~
~~мир~~ ~~обилия~~ ~~окружающей~~ ~~жизни~~ ~~и~~, ~~с~~ ~~другой~~ ~~сто-~~
 роны, ~~сражались~~ ~~преобразовывать~~ ~~княжеский~~ ~~об-~~
 щественный ~~создания~~ ~~во~~ ~~этом~~ ~~случае~~, ~~то~~ ~~про-~~
 изшла ~~буря~~ ~~и~~ ~~написки~~ ~~революционной~~ ~~силы~~
 (мочи) ~~и~~ ~~значения~~. „Период буря и написки“ было
 время ~~самого~~ ~~близкого~~, ~~самого~~ ~~непосредственного~~
~~взаимного~~ ~~дальнейшего~~ ~~между~~ ~~искусством~~ ~~и~~ ~~жизнью~~;
~~всестороннее~~ ~~перехождение~~ ~~через~~ ~~край~~ ~~обиденной~~
~~жизни~~, ~~что~~ ~~послужило~~ ~~здесь~~ ~~во~~ ~~благо~~, ~~а~~ ~~зачем~~
~~во~~ ~~вред~~; ~~но~~ ~~мир~~ ~~всего~~ ~~этого~~ ~~произойти~~ ~~непосред-~~
~~ственно~~ ~~наибольший~~ ~~и~~ ~~высочайший~~ ~~подъем~~ ~~княжес-~~
~~кой~~ ~~литературы~~.

Загадки нового движения (Переходная группа)

Бурный сраженье, буря и написки (Кто под
 топку), период гениев, оригинальные гении! — Эфи-
 ли назывались обыкновенно прославлять или

основательница немецкой литературной революции и ее носительница. Она была поэтическая и религиозная. Поэтическая революция требовала свободы творчества и вообще была радикально и политически оппозиционной. Религиозная революция возмущалась против «просвещения» и в этом отношении была консервативна. Оба движения, как и поэт, потерпели неудачу. Поэты должны были снова признать правила, а лишь политический декламации не имели ни малейших предельных ограничений. Просвещение стало только еще сильнее и радикальнее и привлекло оудя немецкого мучающего революционного своих противников. Но главным влиянием революции было все же чрезвычайное повышение поэтической и научной силы, широкое оплодотворение литературной почвы во всей Германии; и многие из ее гениальных, которых должны были вернуть оудя назад, продолжали в романтизме и снова оживили в романтизме.

Понско-это лесенки дозавели своего «Дим», место Галюзи образцовое произведение драмеди, как в томале «Тейз фронь-берлинхитген» Тейз и перестать ее видние, но не видьстивь его впол, нть. Тейз фронь-берлинхитген и «Димид Галюзи» сродили радоль; во многих случаях можно на, блндарь, какь молодые дракарурри учимеу одо, нть; но видние, Тейз» перевитивало; роцарская драма вошла вь моду, и Шекспира неупотомко копировали. Въ ^{като} 1873 г., месяце годами поздние

Минта фронт-Барнгейльви, вишла маленская, жи-
 денская, плохо напечатанная безымянная книжка
 под заглавием: Von deutscher Art und Kunst, einige
 fliegende Blätter („Легкие листки о немецкой
 материи — или немецкомъ свойстве — и искусства“).
 Эту книжку издалъ Гердери вместе съ Тёзе и
 Мёзеромъ въ Тюрингбургъ. Сказано было, здѣсь были
 соединены сочиненія здѣсь писателей: Нерухъ Мёзеръ,
 референдарій въ Оснабрюккѣ, набросалъ оригиналь-
 ную картину немецкой исторіи, гдѣ отъ предека,
 были германскую свободу первоначала времени
 какъ идеальную идеаль; Йоганнъ-Готфридъ Гер-
дери, соавторъ консензоріи въ Тюрингбургъ, восхва-
 лилъ предсея популярности посылки, требовалъ со-
 браніе немецкихъ народныхъ посылки, перевозка,
 малъ великіе Шекспира и пророчествовала о немъ,
 немецкомъ Шекспира; Йоганнъ-Вольфгангъ Тёзе, адво-
 катъ во Франкфуртѣ на-майне, именно зоръ при-
 зываемый немецкій Шекспиръ, о которомъ скоро
 беззаговорили какъ объ авторѣ драмы „Götter von
 Veslingenden“, высказывалъ свое восхищеніе сурас,
 буржескии соборомъ, спорилъ прозиви аббата Ло-
 тше, козорный допускалъ зорско анжуну колон-
 ну, и прославлялъ готическую архитектуру какъ
 национально-немецкую, характерисичное иску-
 сство какъ единственное истинное. Мёзеру было
 въ то время 53 года, Гердери 29, Тёзе 24. Гердери и
 Тёзе познакомились осенью 1770 года въ Страсбур-
 гѣ; сраха Мёзера была замеченова изъ преди,
 словид къ его „Оснабрюкской исторіи“ и была поспавлена

въ рядъ (губы), Меркурия Мерквы; второродно, Тер,
 деромъ. Человѣкъ старшаго поколѣнія, торгаша,
 адвокатъ, чиновникъ, который уже давно засвидѣлъ,
 желаясь своего гнѣвно связъ съ патристическимъ,
 ли срезменидли немецкой литературы, похвалъ,
 съ генеръ въ одиссею двукъ поладилъ писателей,
 которые не исключительно высказывали срезмен-
 ление къ первоначальной немецкой оригинально,
 сри, къ возматомленію народнаго сри и къ сри,
 зи съ популярнымъ искусствомъ стараго времени,
 но ии. похваломъ сри сри сри сри сри сри,
 кимъ образомъ, ^{съ} своей стороны заивидли похвалъ,
 но возматомленію сри національнаго гнѣвно похвалъ
 Великой войны. Это гнѣвно все еще было сри,
 зато съ враздѣно къ Франци и съ извѣстной
 приверженностью къ Англии. Оно сри сри сри
 сри сри сри сри сри сри сри сри сри сри,
 переходило черезъ край. Срезменид Клонизока
 и Лессинга подиалъ, сри сри сри сри сри,
 маме съ новыми ии. сри сри. Движеніе рефор-
 мацорское превратило въ революцію, которая
 въ продолженіе немецкаго времени возбудила
 всего молодежи. Оно было национально и народно.
 Оно было предприятно въ духъ Руссо прохвалъ духа
 Вольтера, во ии. природы прохвалъ культуры, во
 ии. сри сри прохвалъ ризудка, во ии. сри сри
 прохвалъ гнѣвно идеала, во ии. сри сри
 прохвалъ сри сри, во ии. гнѣвно прохвалъ сри,
 гнѣвно правилъ. „Тѣтъ фронтъ Берлинскій“ Тѣтъ
 сри сри революционныя драмы, которое

наибольше бросалось в глаза. Но ^{книжника} ~~Мозер~~ ^{искусств} и ^{Оптинцевской} манеры и искусства, лучшие искусства предшествовали ему как программа, как манифест.

Писатели, периода Бури и париска, т.е., Бури и париска стремлений, высунув в сурасецию противоположностей, посягнув вблизи и безразличности разсудительности простоты, удобств, и духовное направление, овладевшие духовно в XVII столетии того рода кругами итаецкой жизни. Но ^{сначала} ~~сначала~~ еще ^{какое-то} ~~какое-то~~ слово о Мозере.

1720+1794. Иосиф Мозер (Möser) родился в 1720 г. в сердце старой Саксонии, в Венабруке, где он и жил до 1794 г. и пользовался высоким общественным доверием. Он был родом из такой местности северной Тюрингии, которая, не имея ни большого города, не увлекалась международными отношениями, а скорее вызвала к наблюдению крестьянство и объединенной мелкой жизни, и вводила в кругозор наблюдателя не столько равенство людей и общия человека, чужды права, сколько социальная, экономическая различия и традиционные права. Мозер особенно углубился в ближайшую и отечественную жизнь, и его литературные образцы были изобразительны права в моральном смысле, и в смысле жизни. Казалось, он хотел писать только для своего земляка, судить о том и там поучать; но он видел, что это в такой выработанной и разнообразной форме, у него было столько хорошего юмора и такая высокая историческая точка зрения, образовавшаяся

подъ влиянием Монтескьё и Вилкельма, то
 недолгий сочинитель, который был собранъ въ 1774 г.
 подъ названіемъ „Партизанскихъ фантазій“ (*Parti-
 scher Phantasien*), заключали въ себѣ насущную
 сокровищницу наблюдательности и ума, практиче-
 ской, исторической и георегической мудрости. И какъ
 здѣсь они сумѣли обобщить и какъ бы идеализиро-
 вать многие интересы ближайшей обстановки,
 такъ его „*Ostbayerische Gerechtigkeit*“ („Остбрюкская исто-
 рія“), которая началась появляться въ 1768 г. своими
 смѣлыми догадками открывала далекую перспек-
 тиву на германскую первоначальную древность и по-
 лагала основаніе зоны политическаго историческаго
 иудагоударственнаго чужденствія, которое она,
 звалило свое видѣніе даже въ XIX столѣтіи. Имя
 Мёзера произносится съ одинаковымъ уваженіемъ
 историческими юристами, историками и экономистами.
 Но его консервативной образъ мысли, его уваженіе къ
 существующему праву и его глубокая оцѣнка про-
 тиваго, въ XVIII столѣтіи дѣлали его человекомъ
 оппозиціи. Онъ былъ противникомъ централизаци
 и навелировки, простоты и деспотизма и его много,
 гласной бюрократіи. Онъ былъ при слухахъ также
 противникомъ филантропической изысканности,
 и ему нравились парадоксальныя похвалы кулач-
 кому праву и крепостническому. Но въ то же время
 онъ требовалъ суда присяжныхъ и пророкествовалъ
 о необходимости истиннаго народнаго войска. Англія,
 которую онъ зналъ по собственному наблюденію, въ
 разныхъ отношеніяхъ казалась ему образцомъ. На

английское дворянство отъ смозрѣли ея заклинь шие вос-
лищеніемъ, какъ Лессинга и Гердера на Шекспира,
и германскую первообразную древность отъ восхваляемъ
ея заклинь шие одушевленіемъ, какъ Клоппшторгъ. Кюзеръ
Мезеръ учился съ 1740—1743 г. въ Земтъ и Терзингенна
юриспруденциин, былъ адвокатомъ въ своемъ оренсверен,
потомъ городъ (Оснабрюкк), съ 1747 г. *Diosakus patriae*,
потомъ-секретаремъ и синдикомъ дворянства; съ 1761 г.
— первымъ советникомъ регенза (правителя), въ 1762 г.
— юстиціаріусомъ (*justitiarius*), съ 1768 г. — займнымъ
референтомъ (докладникомъ) правительству и умеръ
въ 1794 г. — Мезеръ едталася великимъ незоріогра-
фомъ и популярнымъ тсацлемъ, въ обидь нацраб,
леміамъ отъ показанъ радомъ съ радкого онызмоство
и глудокимъ усмозрѣніемъ какъ по незорисекимъ,
закъ и по государственнымъ отношеніамъ благород,
втайнеамъ льгоніе, гизой нацроизамъ, любовь къ на,
роду и прекраснѣйшю независимоемъ характера.
По его политическому принципю-убѣсуденію нарад,
на и государственная гизуръ должна была послиодо,
вазельно развивахрѣся изъ первообразныхъ одѣрѣхсехъ,
вельдезвие зого отъ были проуивникомъ ветама
гизимъ, замисувованнѣмъ нововведеніамъ.

Отъкороткихъ сочиненіамъ Мезера мы узнаемъ,
говорили. Это были: „Оснабрюкская незорія“ и „Нацри-
озическія франзазиин“. Первое, „Оснабрюкскіи фрр, чрр“, какъ
выборомъ, распорѣженіемъ и обрадожкого еомнеза,
закъ и изобразненіемъ превосходизуръ веть презиміе
и одновременные незорисекіе зрѣрр. Это-незорія
народа, а не правителей, вельдезвие зого слудимуръ

основанием этого труда развигие права, нравовъ и
 общества. — Въ 1767-82 г. издавалось оно въ „Ота“
 „Brücker's Intelligenzblatt“ (Оснабрюкскіи Справочникъ
 Меркль) рѣдъ сраженъ, котораго позднее его дочь собрала
 и издала подъ заглавіемъ: „Patriotische Phantasien“.
 Рзи „Патриотическіи фангази“ распространяются
 обо всемъ, что касается каждаго орденаго сосло-
 вія, отца и матери семейства, гражданина и чело-
 вѣка вообще въ духовномъ и нравственномъ от-
 ношеніи, все въ новой и красивой формѣ, все
 въ новомъ и подходящемъ тонѣ. — Сначала Меркль
 писалъ въ Тогнедовомъ вкусѣ, какъ это доказываетъ
 его трагедія „Артинусъ“, но въ сочиненіи „Halslein,
 oder Mithridatimus des Großen Romischer“ (Арлекима,
 или записки французскаго- (гротеско) комическаго) въ-
 сунувъ оны прозвѣ Тогнеда и написавъ для поддержки
 или подкрѣпленія своего мнѣнія фарсъ „Die Zigarre
 auf des Krönigins oder Halsleins Hochzeit“ (Добротѣ,
 зель на сценѣ (въ театръ) или свадьба арлекима). Замѣ-
 чательно наконецъ его сочиненіе о итальянскомъ языкѣ,
 кто и мизерабуръ („Sprache ist ein süßer Frucht
 und Litteratur“), где оны подобносно высказываетъ
 прозвѣ Фридриха Великаго, ~~кого~~ писавшаго, какъ
 мы знаемъ, о томъ же предметѣ.

Нѣкоторые писатели бурныхъ сремленій удобле,
 зворили и послѣдственомъ дѣйствіемъ тѣзизма,
 удоблѣворили зой душевнаери, которая господствовала,
 на тѣмъ въ „Kallan im Lande“ — ^{среди} ^{милыхъ} между спокойными въ
 странѣ модѣи. Въ этому направленіи вѣрующаи принад-
 лезало число болѣе или менѣе выдающихся писа-

и умъ — смышленъ и смелъ! То ученель, то купель,
срранозвовавшій, зназокъ воерознвель дзвикоель, пак,
гаузынъ снорудель. Онъ бовъ и лангвель, и бога,
слово, и псдорикъ и кризикъ; „манъ аверъ“, вели,
кнй оригиналь и земнвй тисаель, съ болонвой пак,
занпоезель, зназокъ зрель и Шекспира. Въ своель
сррановель тисаель, зель корорель зо наполинель
апокалипсель, зо Аристотеля, онъ срамаель прозель
французельского просвещенель и особельно кнелельского
подразнанель ему; онъ проповедывель философель
вырь прозель философель разума. Семьдесятель онъ
образель къ вопросамель лангвельгелель и м,
декартель. Познел снелель онъ первого формель
выраженель теловельского думель. Онъ сройель за познел
чувель прозель познел рефлексивель; онъ защель,
щель свободу воельвенель и франзель во велель
искусель и возель прозель неумельного
поклонель древнель. Онъ вырамаель загадоч,
но, въ оракулель, и все направель онъ къ кель,
поведельному и вельному. Уманель, гонель Вилкель,
манъ и Лессель, онъ змелель, корель возрель
первоель природы, глубель и зорельсвенель
древель воельской познел. Но онъ не дорабозель
до поимель национальной и народель познел
и змелель образель кнелельско мумъ въ иудельско,
уель религелель.

Какъ уже сказано, съ 1759 г. Тапанель издаваель
ель вель до вель подель срранель замель
сррывель, полнель намель, недель сочинель,
какъ то: „Сократель“ (Сократель)

1. Когда два прозельсвенель между собой, какъ то въ
двой и зель зель разумель задернелель франзель, а франзель разумель,
и зель порывель или разумель, или франзель дмелель манъ впередель,
зо полумель Тапанель (зель Шерель).

замески"). Это сочинение, дославившее автору из-
 воевности, так же беспорядочно, как и жизнь его,
 но в эфире отрывочности, безвразумности меркнута
 разбросано много свободных и вразумительных мыслей.
 „Frühzeitige des Philologen П. А. Н.“ (Крестьянские покло-
 ны филолога Пана), здесь изложена „Aesthetica
in prose“, это автор доказывает, что поэзия пред-
 стает проза, подобно поэму, как садоводство
 — полевому земледелию, живопись — писанию,
 поэзия — декламации, метафоры — рассуждению
 (срав. „Aesthetica in prose“ в каталоге). „Neue Aesthetik
des Schriftstellers H.“ (Новая эстетика (оправдание) буквы
 „H.“), „Golgatha und Scheelestein. Von einem Kritiker
in der Hölle“ (Голгофа и Шедлимский проповедь,
 книга в пустыне) и др. „Civilisierter Mensch“
 (P. Cyllinstra blühen), как мы называли, который
 отличался от жизни беспорядочности, то проза,
 земледелие, то по моральному, но никогда не раз-
 вивающийся, не доказывающийся, а только авторитет,
 резко возбуждающийся, и поэзия могла не сколько
 выиграть убеждение, сколько порождать неопреде-
 ленное предубеждение. Они были брагом распе-
 нения и гонения, анализа и отвлеченности.
 Они искала чуждого человека и его силу. Приро-
 да, думала она, да и другие чувствовали и сражались,
 чувств и сраженья не выражались иначе, как
 образами; поэзия с ее родной душой тело,
 вчувства. Сраженья — орудия чувств, поэзия в
 них выражает мысль и поэзия: „Ты найдешь бо-
 лее быстрое заключение? Ты родишь переказы,

+ масса болтовни

важнѣйшій грошъ красноречія и его товарища — одно-
словная болтовня? "

Какъ Нерусъ Кёзеръ возсрабавалъ прозрѣть гошу.
дарозвеннаго управленія эпохи, просвѣщенія, такъ
Таманивъ возсрабавалъ прозрѣть геологию и философию,
прозрѣть методы и формы просвѣщенія. Имение Библіи,
за которое онъ взялъ однажды въ Лондонѣ, и будучи
въ ерзъсменномъ взырженіи и взырженіи поно,
мении, сраало въ его жизни эпохой: орхидоксидъ по,
лучила новаго пророка. Онъ вездѣ ввсрабавалъ въ,
ру прозрѣть разума и утверждалъ его недооградоносъ
для познаванія глубочайшима неринъ. Какъ онъ не
добрѣдѣлъ политическому доказательству, такъ онъ
возсрабавалъ и прозрѣть эзеринскихъ правилъ; какъ
основывался на озкровеніи, такъ онъ преклонял,
ся передъ гениемъ пролагатонцаго новне нури поэта
и худосинника. Вели просвѣщеніе сраемилосъ въ
опредѣленной сисраемѣ, го онъ предпочиталъ без,
сисраемное, безпорядочное утверждение. Вели просвѣ,
щеніе некало обизилъ положеній, го онъ воехва,
лялъ природенную индивидуальность. Вели про,
свѣщеніе желало по возностиности разумнаго
изложенія, го ему всего прѣдзрѣтъ была упрѣдная
нелогичность языка. Онъ предпочиталъ исключение
правилу, сраказито — разуму, поэзито — проза, особен,
ное — общему; и если на зрама нури было невоз,
можность никакаго ценитѣ познаванія, го неринъ,
ному поэту съ природными способностями и бо,
газвима образованіемъ его ученіе могло однако од,
легчить освобождение озъ рефлексіи, ценитѣ вору

в самого себя и одушевить первую массу звуков.
 Таланты сформировавшиеся вернулись поэзии в ее
 первоначальном изогномическом — доэскомом возрасте на
 родовых, в доэскомых творениях, из которых
 далеко возникли новая поэтическая форма. Они
 были гениальны, богаты глубокими и плодотворными,
 лирическими, но который изложил она не была
 в соединении. Они писали как свои обращения,
 так и свои сочинения большое влияние на
 знаменитейших поэтов своего времени (на
 Тердера, Тёзе, Фр. Т. Якоби, Лафатера, Клаудиев,
 Манна Поля и др.) Таланты писали довольно грам-
 мatically, хотя не очень поэтически и метрически изощрен-
 ные; но время, его современники не ценили ценили
 его благородный дух и уме долго Таланты по-
 били в поэзии, преемники несли Тердера, на ко-
 торого Таланты ^{они} наибольшее повлияли и который
 держался мысли усовершенствованного Тёзе и Манна Поля
 указали на него и ^{Розе (Розе) сочинения} его сочинения: стихотворения Та-
 ланта вошли в Тердера и через него принесли
 плоды для Тёзе. (✶)

Тени и поэзия одновременно, также в роли,
 гениальность духа развивалась названием Клаудиев (Matthias 1740 + 1815.
Скандиус), прибавил себе прозвище „Астус“. Он
 родился в 1740 г. в Рейнфельде Толмизин у Мю-
 лера, умер в около 1763 г. в Генте, писал поэмы
 в Вандебекке, издавал под именем „Астус“ газету
 „Wandswesker Bode“ (Вандебеккерский Вестник); независимо
 от литературных трудов, был общепознанным гением,
 жил, занимаясь с 1776 г. место комиссара в Дармштадте.

изданы, во комисии объ улучшеніи всеобщаго
 благосостоянія, съ 1778 г. ^{на по Вигелию} онъ въ Вандедекъ. Онъ
 умеръ въ 1815 г. въ Тамбурго, изъ котораго онъ, въ
 качествѣ свободнаго писателя, споспособствовалъ нововому
 просвѣщенію въ ономъ.

Нарочно Клаудіусъ редактировалъ, какъ мы уже
 знаемъ, Вандедекскій Вѣстникъ ("Wandsbeker Bot"), гдѣ
 статьи его обратили на себя вниманіе, издалъ сбор-
 никъ, "Tändelezen und Erzählungen" (Разсказы и сказы,
 лети, Вена 1763 г.) Въ сущности онъ подразнилъ собре-
 менныя писателя, Терезенбергъ, а въ особенности
 Клоппштокъ, но зато не менше обладалъ и само,
 боушныя таланты. Свою газету "Wandsbeker Bot",
 онъ писалъ въ тонѣ афоризированной популярно-
 сти, которую надо сначала преодолѣть, чтобы насла-
 диться прекрасными сценами, которыхъ онъ предла-
 гаетъ. Все еще болѣе роль игралъ странности
 вѣнскихъ формъ какъ у Рабенера, Мозера и въ еме,
 недѣльничья газетъ. Но трудно сомнѣваться въ
 главному которому. Мы съ удовольствіемъ читаемъ
 его басни, его поговорки и не читаемъ ему выскія,
 зывае въ поетъ свои лютыя. Въ дѣлѣ Павла
 Тергарда, но съ облагородившими взглядомъ своего
 времени на природу, онъ писалъ вечерняго поетю
 ("Abendzeit"), Das Klond ist aufzugehen, Ein st. Clair
 Kavaliers Zonigun Am blauen Himmel klond; Das Klond
 steht frohen und frohen, Und mit den Fingern steigt
 Das klond Kavaliers Zonigun etc. (Луна возила, зо,
 лозидъ звѣздочки краснотеря свозло и лето на небо;
 лозъ сзозидъ теривитъ и полчить, и съ луговъ гудеено

поднимается большой шумовой и пр.). Какая любовь и
какая печаль во попытке у могилы своего оца! Какая
поражающая сцена: Смерть и давушка, — давушка
также неугана, смерть так полна утраты и боли!
И какая веселость в рассказах о великане Толл,
ах и в пуревных рассказах шефера Уриана! Ка-
кой свирель, высокий звук в Rheinweibelied; в „
Königt mit Luth dem Lutham wollen trauern“ (Увы,
сине зелено милой полной кубок)! или: „Обварой
зелено стонет задранный кубок“). Как „Вечерняя
песня“ (аванс.), так и эта студенческая песня —
сказочное о рейнском вине (Rheinweibelied)
— известны всему гитарному и поющему миру,
кому миру; особенно студентам гитары еще больше, у,
вот также зелено и пр. Клаудиев набожные близки
свой к лирикам Гейнрихского союза. Как
и они, они могут быть народными и писателя в
красивом духе. Как иль, так и его песни му-
те поют, гиль гитароя. Как они, так и ооо
напоивать иногда прозвучать средне-верне-песня.
Киль лириков, потому что никакой риторической
наблизности пою, и сердечная связь, которая
наблизность связывает с много патристическим серд-
цем. Как Фросе и его Луиза (Luisa), так и Клаудиев
често открывают нам свой скроинный дом и свое
супружеское счастье. Фросе и Клаудиев находили
в религиозно-освещенной домашней и семейной
поэзии свое истинное удовольствие: только рели-
гия, которая иль укрощала, у каждаго ишла свой
охраняет. Прозаические сочинения Клаудиева обнаруживают,

ватого зову ще зетвий, задумівний характеру, проник,
 нурий безвредности королю. Это усилія подготавляе
 подь пророчу и складу народной речи не удавались
 ему, не смогря на то, что по содержанию своихъ про,
 изведений онъ былъ народными театреми. Въ ко,
 слодниихъ зрудяхъ своихъ онъ впадалъ въ гуманний
 мизанцизмъ. Некакое значение имамъ критическй
 сражи Клаудйуса о мизеракурта. Взгляды его въ зрелье
 сражальхъ втореи, судителъ здоровья и ширки. Тутъ
 еможесть и настроеня авюра позволдють, залье онъ
 превосходятъ, какъ въ лирическихъ сужлзворенйяхъ
 (напр., „Авандленъ“, „Дис Улондъ“, „Артисмилендъ“), такъ и
 въ прозаическихъ сочиненйяхъ, издаваемыхъ вкиторъ
 въ повсидни подъ заглавйемъ „Атмис отниа ма
есит рортанс или вель сочиненя Вандсбекенаго
Возеурика“ („Atmisi otinia ma esit portans utri
Uimittensa Woska des Wandsbeker Rothen“, Гамб. 1775-
 1812). Въ недооценкахъ Клаудйуса принадлежнть
 его сремленя злучпорредлье наемьонкой и шур,
 кой. Онъ коронъ залье, гдъ изображаетъ думавное
 спокойствя и довольство окржающей средой. Слкая
 высокая мера нервно гоузкаго сердца озмкала
 досаднаго Клаудйуса, „духъ невнимости“, какъ гово,
 рить Гердеръ, котораго „душа полна туманого связа
 и лилейнаго аромата Бземерзид“ ✗

1744+1803. Гердеръ (Joh. Gottfr. von Herder) родился въ 1744 г.
 въ Морунгенъ, маленькомъ городкѣ восточной
 Пруссии; онъ былъ сыномъ богатаго школьного учи,
 зелья, училъ сперва у отца, потомъ въ мѣстной (онъ
 плохой) гимназйи, уроки дополнялъ онъ усердносью

итениемъ всего, что ночь доухарь. Молодоехъ Тердера
 прошла грустно и однообразно, первыми востыжа,
 жельми его были пастора Вилламова и Трешо.
 Въ домъ мнѣшняго пастора Вилламова онъ нашель
 симпатизи и одобреніе въ своемъ стремленіи къ зиа.
 нію, и весьма втородуно, что прихотерь первого по,
 кровивель повлидль вносельдери на вайдери его
 карьеры. Въ 1760 г. въ Морунгелль прихель повай
 пасторъ (дьяконъ) Трешо, кельотель Болтозменский
 и, кельотель, не особенно прихельного характера; но
 другъ его оуца, угелый императоръ и сверель того
 владель оуель Сороней Библиотекел. 16. мѣсяца
 Тердера онъ прихель къ себѣ въ качель фамил.
 лиса (почто среднее между угеликомъ, секретаремъ
 и камердинеромъ). Тамъ онъ живель Тердери у
 раздражельного и болельного пастора, и много кельри,
 азможель вынесель онъ оуель его селеры; но иу-за права
 пользовельсь кельгами онъ гозовъ биль со велель
 прихель; онъ пробиль у Трешо, передавель
 ему свои медельный знанель, около 2-хъ мѣсяць. Тамъ
 же познакельсь и до конца жизни съ благодар,
 нелью вельнелись о кель. Тамъ Тердери прихель,
 лель избирель себѣ карьеру. Тамъ же — у пастора Трешо
 — познакельсь онъ съ однимъ хирургомъ рус.
 ской службы, кельотель заинтересовель Тердери и
 предложель ему, если онъ гозовъ захельсь медици,
 кой, свезель его въ Кельнелдери, гдѣ онъ моль зак.
 иель измельсь оуель фискулъ у иелього глаза. Тердери
 съ раделью согласельсь, подготовельсь изъ Ботаникел
 и покинулъ Морунгелль, не иелья похель въ 17 мѣсяць.

Онъ остановился на мысли сдѣлаться докторомъ и за сѣмьhalb грошъ отправился въ Кёнигсбергъ, чтобы оттуда поѣхать въ Петербургъ. Въ Кёнигсбергѣ, по совету упоминаемаго русскаго лѣкаря, онъ рѣшился присудуживаться при одной хирургической операціи, но внезапное этого зрѣлища было такъ сильно, что онъ, погорючу уже при первомъ же постаньѣ, кинь анатомическаго театра сдѣлалось душно, узнавъ въ обшорокъ, захворавъ и съ тѣмъ поръ навсегда отказавъ отъ медицинской карьеры. Тогда онъ рѣшился сдѣлаться богословомъ. Въсѣмъ капиталомъ его союзилъ тогда изъ 3-хъ талеровъ и 8 грошей; но онъ не побоялся борбѣ: легко выдержавъ экзамены, записался въ студентъ и скоро нашьи друзей и уроки. Нѣскольکو мѣсяць провелъ онъ въ Кёнигсбергѣ, зрудясь, занимаясь, среди поездочныхъ мшеницъ, почти въ нищезѣ. Скольکو надо было ему воли, чтобы поборонить своего полодоера въ скучномъ городѣ, не дозволяя себѣ ни малѣйшаго развлечения, посто, днно зрудясь и часто голодая! Но маида знанія была въ немъ такъ велика, что, кромѣ богословія, онъ занимался негоріею, философіей, физикой и изучилъ ихъ превосходно. Онъ зналъ уже такъ много, что его прозвали ходячей библіотекой. Въ это время въ Кёнигсбергѣ уже в мѣсяць приваждо, цензуровалъ Канцль, вносилъ въ свѣтъ знаменитый обзоръ Кризтики чужаго разума (Fritik des fremden Humanit), именно тогда переходивший отъ заидрія попомизельствованн наукамъ и маземазикой въ маза, физикѣ и уже нажавший своего борбѣ за неогранич,

ченіи въ права разума. Канцъ допустилъ Тердера, равнѣ на все свои курсы и имѣлъ сильное вліяніе на молодого студента, который иногда перекладывала въ уши его идеи (они начали суждѣноразумно, даже еще въ Норингенѣ). Вносилъ Тердеръ много иной дороги, но любовь къ ~~свободѣ~~ Канца къ чуждой мезоріи и его свобода отъ великой парціи, носили не могли не имѣть благозвоннаго вліянія на Тердера. Больше прочно подлинился отъ друга, мнѣ Кёнигсбергу Таманну. Когда Таманнъ познался съ молодымъ студентомъ богословія, который приходилъ молиться къ его оцу, отъ оцѣ было радъ безрочно въ немъ внимательнаго и способнаго ученика. Таманнъ былъ старше Тердера на 14 лѣтъ, и когда они сошлись, отъ уже имѣлъ за собою довольно громкую репутацию, но не отъ мезоріи, мнѣ мезорауричную известность. Таманнъ училъ Тердера по англійски, читалъ съ нимъ Шекспира до, сзавилъ ему мнѣ преподавателемъ въ коллегии Фридриха и въ 1764г. Тердеръ по его же рекомендаціи и подъ его руководствомъ началъ мезорауричную, аналитическую въ журналѣ Кёнигсбергскаго книгопро-двѣца Канцера. Стало-быть, скоро скажется какъ будо удобнѣе молодому ученику: въ томъ же 1764г. и по рекомендаціи того же Таманна Тердеръ получилъ мнѣ преподавателя (Collaborator), а потомъ, въ 1765г., на 21 году, и проповѣдника и въ то же время, ректора главнаго училища въ Ригѣ. Отъ скоро приобратилъ здѣсь вселенную любовь и уваженіе; но не могъ успокоиться на этомъ и работалъ

усердные, неслим когда нибудь. Въ 1767 г. онъ из-
 далъ первую книжку свою: „Fragmente über die
neueste deutsche Litteratur“ („Отрывки о новейшей
 немецкой литературе“). 4 года оставался Гердеръ
 въ Риге. Въ 1768 г. ему предложили занять место
 директора въ училище св. Петра, въ С. Петербургѣ, но
 онъ отказался это весьма легкое для молодого
 человека место, наконецъ покинулъ и свое место
 въ Риге изъ желанія видѣть своего и учитьсь. Онъ
 поѣхалъ въ Казань, оттуда въ Парижъ ⁽¹⁷⁶⁹⁾ Бенкова.
 Глубокое изученіе французскаго языка, литературы
 и народа французскаго усилило его нерасположеніе къ
 французамъ, хотя во Франціи онъ былъ друженъ,
 модно принявъ весьма вѣжливыми чинами эпохи,
 сошелся близко съ Дидро и г' Монтберони. Уже
 въ то время первый сочиненія государя ему из-
 вѣстность: во время пребыванія въ Риге, написалъ
 онъ какъ разъ „Отрывки о новейшей немецкой
литературѣ“ и „Критическіе мѣся“. Въ концѣ 1769 г.
 Гердеръ получилъ предложеніе сопровождать
 (въ качествѣ наставника) принца Голштейн-Рупин-
 скаго въ его путешествіи по Европѣ (по Франціи
 и Италіи) и съ охотою принялъ его. Они доѣхали
 Дармиштадта, гдѣ Гердеръ познакомился съ Каро-
 линою Флакеландт, своего будущаго сына, и мар-
 комъ (Joh. Heinr. Meck), а въ Страсбургѣ оконча,
 гдѣ разошелся съ воспитателемъ принца, и по-
 далъ въ отставку. Онъ оставалъ здѣсь на кѣсколько
 мѣсяцевъ, чтобы отдѣлаться отъ глазной болѣзни,
 которая мучила его еще съ дѣтства; онъ вынесъ

очень труднейшая операция, но издатель не получил.
 В это время принадлежалъ его знакомство и за-
 жатъ самая зная дружба съ даровитымъ студентомъ,
 козорокувскоро предсудило наполнилъ славою своего
 имени вето Германино; это былъ Валсберганъ Тёхе,
 козоровъ гаскою своей славы обдзаво Гердеру, давшану
 много драгоценныхъ указаний и советовъ въ дѣлахъ
 искусства и поэзи. Здѣсь же въ Сурабурго Гердеръ
 написалъ на премію Берлинской академіи книжку:
 „О началѣ Языка“ (Ueber den Ursprung der Sprache).
 Вскорѣ послѣ зого онъ принялъ много придворнаго
 проповѣдника и совѣтника конторин въ маломъ,
 ково князесствѣ Гюккесбургѣ, гдѣ и оставался съ
 1771 г. по 1776 г. Здѣсь собиралъ онъ материалы для
 своей философіи негорин человочесва и повести гер,
 манскій и дружба народовъ; здѣсь же въ мѣсяцѣ
 1773 г. онъ издалъ, какъ мы уже знаемъ, вытвора
 съ Тёхе и (старомъ) Мизеромъ книжку, О книжцѣ,
коя манеръ и искусство лезукіе мисскіи. Въ зомѣ
 две году онъ змінился на Каролинго Флешланд, въ
 козоро ^{и съ которого онъ} ~~онъ~~ ^{и обрѣдился} ~~онъ~~ ^{и обрѣдился} въ Дармштадтѣ. Въ
 это время ижд Гердера уже пользовалое почерного
 извѣстностию, и онъ съ разнѣ въ спорота получалъ
 приглашенія. Въ 1775 г. Гердеру предлозили ка,
 Одру Богословид въ Гертманнекомъ университетѣ, но
 прусскій король не утвердилъ зого назначенія, затѣ
 какъ мизераурнѣ мѣстѣ мисскія или въ раз,
прозо съ направлениемъ правительсва. Тогда Тёхе
 висунилъ на защиту своего оскорбленнаго друга
 и кезавъ него герцога Веймарскій предлозили

Тердери много генерал-супер-интендента и главно-го сводника в Веймар в 1776г. Тердери со-машель, неразлучивая, когда поздние его друзья в Теде знаменито обладала властью его гл., делового и мизантропического характера — Тердери при-надлежал к числу гл. людей, которые созда-ють себѣ срадания, бедств и часто сражают себя в ложное положение, которое легко бы устранил-ся бышей окробоенностью и предположи; ^{в 1782. они разбиты в Утрехте и по воз-вращении} ^{оттуда} онъ про-жил в Веймар безвыгодно до конца жизни, и все свободное время оуь официальныхъ занятій посвящал мизантропическимъ раздумьямъ. Тер-дери умеръ здѣсь 18дек. 1802.

Все мизантропы мизантропы, несколько не инфе-ресующиеся въ исторію; они создают наслаждались ими поучаясь изъ книги, не зная зная, кто и когда эти книги написаны. Трудно найти болѣе убедительное доказательство полной несообразности, поети такого взгляда, чѣмъ зворенія Тердера: они имѣли огромное и въ высшей степени благозвонное влияние на современниковъ и ближайшихъ потомковъ, не только на поэтовъ, но и на ученыхъ и даже на политиковъ; нѣкоторые руководящія мысли были проложительными окробоенными; но именно властью поразительной правдивости своей эти мысли были такъ легко и скоро усвоены, что даже отъ насущей оуь вѣка извѣстности; только исторія мизантропы позже сказать намъ, что ког-да-то они были новостью и что человекъ, впервые разбившій нѣтъ, великій человекъ.

1) В 1802. его сдѣлали президентомъ консисторіи и воз-вел в Вюртембергское доепонисхо.

Первые сочинения, обращенные на себя внима-
ние, Гердер издавал во время пребывания в Риге.
Это были: Fragmente über die neueste deutsche Lit-
teratur ("Фрагменты о новейшей немецкой литературе",
1767г.) и Kritische Wälder ("Критические Леса", 1769г.).

Первые положительно отзывались на "Литератур",
книжки Плеснау, взоры на "Лаокон" Лессинга.

Первые, по субъективному призрачному взору, домысли
были слышать дополнения на литературных
теснах Лессинга, взоры относимые на науку
и изданию искусству. Там, как и здесь Гер-
дер является горячим поклонником Лессинга,
но близость с злым и унылым критиком, и да,
роботом, предостерегает, тем самым из того же
тундра, но по дороге, неизменно уныло. "По-
сидней", ^{труд} "Kritische Wälder" - "Критические Леса", по-
высоко, оригинальности мысли и бесстрашию
изложилась образом на себя всеобщее внимание;
здесь Гердер задает широкой задачей: призна-
вая поэзию главным и лучшим способом раз-
визия народов, отъ, изъ сравнения произведений
различных эпох и народов, когерь вывести
духъ поэзии вообще, и создать новые законы обще-
человеческой поэтики. И если отъ не рывили впол-
но своей задачи, какъ какъ ограничили только
сравнения поэтов классического мира с ново-
германскими - Гомера с Клопшток, Соокриза
с Тессером, Анакреона с Гейном - то все
же положили прочное основание дальнейшим
исследованиям по этому вопросу.

"Въ "Фрагментахъ" ("Fragmente") Гердеръ воздалъ славу родному языку, его
свободы и выразительности, и ему было уже ясно, что великий залогъ
языка есть даръ возвышения человеческой души надъ ея языкомъ.

Из Броккебургга, какъ уже знаемъ, Гердера изъдалъ вѣстникъ съ Тѣзе и Мизеромъ книсику: „Вон Vauktropes Art und Rumpf einiger flingende Vögel“ (О певучихъ канареечкѣ и канареечкѣ перурии миср. кн. 1773 г.). Изъ Веймара написалъ свои свои кн. Большое вѣдѣльское произведение: въ 1778 и 1779 г. свои издалъ.

„Volkslieder“ (Народная Песни). Туманский друго барваровъ и многозвонкий переводникъ выказался въ „Народныхъ песняхъ“, которыми позднѣйше изъдали придали украшенное заглавие: „Кинман das Hölker in Lindau“ (Толка народова въ песняхъ). Сборникъ соединенъ изъ миср. ордаловъ или кн. какъ-то: „Das erste Buch. Lindau mit dem Jofen Nord“ Песни изъ высококаго севера; „Das zweite Buch. Lindau mit dem Süd“ Песни изъ юга; „Das dritte Buch. Nord. nordlich Lindau“ Северно-западный песни; „Das vierte Buch. Nordlich Lindau“ Северный песни; „Das fünfte Buch. Südtlich Lindau“ Южный песни; „Das sechste Buch. Lindau das Hölker“ Песни дикарей; сверхъ того объемное предисловіе къ народнымъ песнямъ (Kinman das Hölker). — Это были не только обще-распространенный песни неизвѣстныхъ авторовъ, но характеристическія стихотворенія изъ области національной, цвѣтъ духовной жизни, кардиналы свособразнаго существованія, озвученія сердца, полные мелодическія тоновы срасси или куберва, полные вѣтхитяго драматизма или вѣтхитяго ому-щаний, какъ-тоны, образныя, измѣнчивыя; слова, это была звучащая природа, насодичая миср. кн.

въ свѣдѣнїи Тердера, неходила ли она оръ Сафо или Ка,
 зумма, оръ Тонгори или Шекспира, оръ Лозера, Опица,
 Фрелинга, Сикона даха или оръ Клодига. Платы раздава-
 тель голоса изъ Перу и Тренландии, изъ Лапландии,
 Камбоджи и Везландии; также мюзовъ (мартиней) и мюзовцевъ, вендовъ и евр.
 бовъ; Греція, Италия, Испанія и Франція (Данія и Германия,
 Англія и Шотландія и г. д.) давали свои сокровища;
 польза было обоимъ безъ Осіана; снова слыша,
 какъ древнїя северныя поэзіи, замечательные звуки
 Эдды, сраженій пророчаній и смѣлый воинствен-
 ный кликъ; датчане, шотландцы и англичане же,
 любяли хоры; итальянцы начинали съ поэмъ о Люд-
 вигѣ и заканчивали насловными временами; здѣсь
 были предохранены весь родъ лирики: баллады,
 романсы, любовныя поэмки, поэмки боевды, тѣло,
 быдъ, насущескій, басни, загадки; но народы не были
 раздѣлены: все пользовались одинакими правами,
 все сжали въ одномъ роду; масса раздѣлялась только
 по эстетическимъ соображеніямъ, по родственнымъ
 поживамъ и однороднымъ насущескимъ. Удивительно,
 какъ Тердеръ умѣлъ уловить и выдержать тонъ,
 сколько выработалъ его, и въ законченномъ маломъ,
 китъ насущескыхъ произведеній, утвердивъ владея
 итальянскимъ языкомъ поэтическимъ языкомъ, умѣлъ
 точно передать самый разнообразный насущескій,
 маэры и формы суща! И какой выборъ! Какъ дале-
 ко это оръ той пуща, которая обыкновенно на-
 водитъ на насъ ехуку въ антологіяхъ. Взоръ букву
 звѣздъ садовникъ, козороку рвали цѣлуютъ весь девять

музы. Это — целый мир в малом виде, то при-
 сутный, радующий сердце, то отсутствующий, погрязший,
 щиплый, то веселый ручеек, то величезвенной по-
 зы, то бездонное море. Одиночество и общество,
 семья и государство, весна и свобода, знание и любовь,
 — все есть в этой книге. Никогда подобное грандиозное
 не достигалось подобными средствами. ~~Никогда~~ Никогда
 никто не умел лучше достигнуть такого много-
 сорочного и многообразного единства. Тердери издал
 эту обширную сборку «Голоса народов», прелесть,
 дух все же есть мысль общечеловеческой поэзии.

„Briefe, das Studium der Theologie betreffend“ (Письма,
 касающиеся изучения богословия, в 1780 и 1781 22.) В
 этой „Письмах“ Тердери дал руководство, как, чело-
 вчески читать Библию, и развивал такое понятие,
 что теология есть либеральное изучение и не
 человек рабской души. В этом ряду теологов,
 среди сочинений они показали себя крошечный че-
 ловек Кресте.

„Vom Geist der ebräischen Poesie“ (О духе еврейской
 поэзии, в 1782 и 1783 22.) Это сочинение служит
 дальнейшим развитием и продолжением сборника
 „Голоса народов“ (Zwischen der Nölken), где они под-
 вергают строгой эстетической критике библейские
 сказания и ставят еврейский эпос выше эпосов
 индийского и древне-греческого. Эту пошлую
 зреть не поправляет узкими моралистами и не,
 давали, но Тердери вполне вознаградила общий
 возрос всего образованного мира. „Дух еврейской
 поэзии“ Тердери развивал самый зрелый ум о связи

между Язаконь и поэзией. X

„Gott, meine Gefühle über Spinoza's System“ (Богъ!
 некое разговори о системе Спинозы, въ 1787г.)
 Въ особой книжкѣ подъ эпитетъ замѣчанья „Богъ“
 (Gott) Гердера, обращаясь прозвѣ Якоби, изложилъ
 свои взгляды на учене Спинозы — короткое переработ.
 къ его для соборвеннаго употребленія, въ зѣлѣ
 передачу. Въ то же время Гердеръ писалъ свои X

„Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit“
 („Идеи о философіи исторіи человѣчества“, 1784—1791).
 Въ 1784 и слѣдующіе годы она издава первая
 зрѣ часть эпитетъ „Идеи о философіи исторіи чело-
 вѣства“. Въ 1788 г. она вышла, какъ уже знаемъ, въ
 Италию и по возвращеніи оттуда продолжала изда-
 ние своими „Идеи“ (1791). Въ четвертой томѣ своихъ
 „Идеи о философіи etc.“ она набросала величествен-
 ную картину природы и челоѣчества, наполненную
 идеями о законности, которая проходитъ вездѣ, на-
 чинаетъ съ положенія земли во вселенной, „звѣзды
 между звѣздами“, и поднимается отъ свойствъ нашей
 планеты этого горнаго шреда, воздымающагося надъ
 поверхностью воды, отъ неорганической и органи-
 ческой природы, отъ минераловъ, расценіи и символъ,
 вплоть до челоѣка, его организациіи и его значенія,
 его зависимости отъ окружающей природы, до началъ
 коѣ его культуры, до народовъ, въ которыхъ она раз-
 вернула, въ дальней и передней Азии и на берегахъ
 Средиземнаго моря, въ древности и въ средніе вѣка:
 богатый матеріалъ, распределенный зворжекою рукой,
 проникнутой умомъ и вкусомъ, переплетенной благо-

родными, нравственными разностями. Надо видеть, как высокое назначение, царить гуманно: нехорошо парадом являясь школой соревнования для догматика, вид прекраснейшего в лица словоточеского догматика; золько разум и справедливою охраняет прочны, не дураки как безумство и глупою разорять и себя, и землю: гуманною сего последнее слово Тердера в нехорошо, гуманною — его последнее слово в религии. Его мысли во многих случаях совпадают с мыслями Лессинга; но то, что Лессинг различает, — понятие о божественном возмущении словоточеского рода, которое отъ самъ ^{не} хощет раздвигать, и другое — о чисто естественном развитии всей, также и религиозной культуры, у Тердера оказывается часто сию, шановно. Во произвоположности в мышлении Лессингову абзору, "Возмущения словоточеского рода", Тердер не дасть еврейство, как парад, никакой особенной роли. Во всем гордиться Глесско его подобно принадлежит грекам. Но во многих горжесузен, нить фразы отъ выражает свое почитание Глесско. Он сего для него словоточеско, унизил гуманности: "Как духовный спаситель своего рода, отъ хощет создать божество людей, которые, при каки ^{бы} то ни было законах, служили бы благо божества изъ нехорошо подвизений и, сражая сами, как цари господствовали бы во царство правды и любви". Но отъ, как и Лессинг, различает религию Христа отъ Христианской религии; и тогда как отъ высоко славить первую, къ последней отъ относитъ, съ крайне холодно, даже враждебно. Писер и къ сред.

иные высказывания от переселения относятся к той же эпохе, как и высказывания к ним в свое время, бурное время. В конце концов средние высказывания его сочинения прерываются; и этого рода отныне не издаются.

Влияние Гердера на развитие современного ему искусства увеличилось с каждым годом его произведениями, но не менее значимое всей действительности этого искусства вполне выразилось в этой его знаменитой, философии истории человечества. Здесь Гердер ищет опоры уже не в искусстве, а в философии, стало высказываться на философскую почву, создает самостоятельное философское учение. Следуя принципам, как и «исторической школы», отныне развивается ее положение и проводит почва теории, которую не без основания называют теорией исторического фатализма. Наблюдая, при каких условиях развивается человек, искусство вообще, и в каких формах развивается это развитие у отдельных народов, Гердер не только должен был прийти к мысли, что законы и условия жизни человеческого бытия всегда повсюду одинаковы и неизменны. Здесь бы и следовало искусство развиваться, но отныне отныне еще шаг, и вывести новое положение, которое, хотя в основе своей и неизменно, однако, как и увлечение мысли, преобладающей над фактом. Сказав, что законы, управляющие деятельностью как отдельного человека, так и всего мира, неизменны, Гердер выводил отсюда, что, следовательно, отдельные человеческие силы, взяв сами по себе, ничего не значат. Человек не может изменить управляющих им законов, не имея сил бороться

от науки, следовательно не может ни уклониться от
 науки, ни совершить погрешка, нарушающую иль
 требованія. А если такъ, то человекъ не можетъ
 совершить ничего абсолютно-дурного, такъ какъ чуждъ
 его бызидъ есть благо и всякій погрешокъ его неодо-
 дикъ и, какъ необходимый, справедливъ и разуменъ.
 "Все, что делается, такъ и должно быть, и иначе быть
 не можетъ", говоритъ Тердери. Это оправданіе единич-
 ныхъ человеческихъ дѣйствій общаго міроваго дѣйствія,
 по сути, служащее основною вѣтвью положеній Тердери,
 совершенно прозворакивъ поидривль о разумно-сво-
 бодной дѣйствительности человека и сводитъ его на сре-
 днень прозого механическаго орудія какія-то извѣст-
 данности невидимыхъ законовъ. Такими выводами
 Тердери сдѣлала большую ошибку, такъ какъ прози-
 воракивъ самоку есбъ, отрицая свободу человеческого
 духа, за позорно развала въ пресмыкль своихъ про-
 изведеній. Но, не смотря на ложное конечнае
 результаты, доктрина Тердери заслуживаетъ вы-
 маія второстепенной основы, и въ ней она явилъ,
 ея логическими антагонизмами Канга, прекло-
 ндлочалоея предъ лицомъ оудальнаго человека.
 Философія Тердери нашла многихъ защитниковъ
 и поидоварелей, хотя въ наступающее время цету-
 нила новое новинъ философскихъ требованій
 и задачамъ.

Канга написалъ разборъ первого и второго тома
 "Идей въ философіи нехоринъ человеческого" и хотя безъ
 прозкости, но дослательно и цитированно показавъ свое
 философско-критическое происхождение своему земляку

и бывшему ученику. Возрожденно-прусский характер за-
ключает в себе сильные контрасты: жизнь мягкий и полный
французизм, и жить сурово разумный. Къ одному при-
надлежали Кёнигсбергские поэты XVIII столетия, Си-
монъ Давль и его друзья, ко второму Тюрмеръ. Къ пер-
вому Тердери, ко второму Канцъ: Тердери — полный
энтузиазма, страсти, возбудительнаго чувства; Канцъ
— полный обдуманности, самообладания, спокойствія
духа.

„Zerstreute Blätter“ (Разсѣянные листки, 1ое собр.
1785—87гг., 2-ое 1792—1797гг.) служатъ доказательствомъ
того, какъ Тердери неутомимо образилъ свой взглядъ
на весь образъ или слѣды поэтической жизни въ
прошедшей поэзи. Онъ писалъ свои

„Vierle zur Beförderung der Humanität“ (Письма
для способствования гуманности, 1793—1797).
Какъ въ своемъ „Идейхъ къ философи“; такъ и въ
этихъ „Письмахъ“ Тердери изложилъ шире и подроб-
нее весь свой идею, высказанный имъ раньше въ
многочисленныхъ малыхъ сраженіяхъ и журналь-
ныхъ статьяхъ. Какъ известно, ядраго жана своего „Идей
къ философи и морали челоовчества“ Тердери не издалъ;
изакъ, безъ связи прибавленной „Письма для способ-
ствования гуманности“ не могли восполнить этого
недостатка, хотя въ нихъ онъ связалъ съ великими
моральскими образами послѣднихъ вѣковъ свои
свѣтлыя идеалы разума, справедливости и любви, и
напрямую ударилъ дань своего уваженія Фридри-
ху Великому, въ государствѣ котораго онъ родился.
„Когда Фридрихъ умеръ“, замѣчаетъ онъ, „то казалось,

зворсство Тердера, сколько же важна и благозвучна его поэтическая восприимчивость. Они привели в связь кое-какую политическую идею, лежащую в основе немецкой классики, с поэтически возросшими ветвями народов. Показав в неминкомы ствоты Тобера в своих "Критических мыслях", Тердер в "Мелких зеркалах" о немецкой поэзии (матери) и искусстве, которое оно издавал вконец с Тезе и Мизером, разделили Шекспира и Осiana. В своих "Толках народов" он открыл сокровищницу народной поэзии ветвей европейских наций, воспроизводя лишь природные поэтические звуки с неподражаемо-стар, помы закзак, и эрми оказал огромную услугу неминкой поэзии, наперекор уклон и искусственности. Своими "Выборками из восточной поэзии" ("Lieder aus Liban mit dem Klange Lauts, nicht 44 alten Minnen, den" - Песни о любви из Восточка, вконец с 44 старин, вконец любовники повести, 1778г., "Dichtungen aus dem morgenländischen Reiche" - Поэтические сочинения из восточных преданий, "Blumen aus morgenländischen Dichtern" - Цветы из восточных поэтов, "Die Sitten und Sitten der Brahmanen" - Мысли итакозорных брахманов (брахманов) и других) Тердер расширил поэтический горизонт, а сочинениями "О духе еврейской поэзии" и "Песни Соломона о любви" ("Salomons Lieder ^{aus} Liban", 1778г.) - познакомил с одласью библейско-восточной французии. Издавал "Треческую Антологию" ("Frieschiff Anthologie, 1785г.) и поэтически извобавил из Перзии "Возвучо долину" ("Das Karunkel Saad", из Индии "Сакузалу" Калидазы, Тердер

завершили эту сторону своей литературной деятельности. поэты переводили сафиров Торакия и Персия, а в особенности переводили Нейнекиды романсовы о Сидги.

Кроме переводов, Тердери издали содхвенная срилозворения, в которых они образили на красоту формы слишком мало внимания. Они — менее продукты творческой фантазии, чем рефлексии. Тердери любили изложить свои мысли аллегориями-ино, сказаниями и явления природы изобразить как символы высших идей. (Его срилозворения ози, чародей изобилуют мыслями и умными изображениями. Склонность к аллегории особенно обнаруживается в его лирических срилозворениях; в эпиграмматическом подразиелении они грекались. Его легенды — измативельного поэтического доэроннезвья, но они были спасливы в выборе стозежа. Параболы-приу, ги или правочувельные рассказы (Раматухиан) — обрзцы своего рода. И в то же время Тердери не были поэтами, а только великими криуриками. Они издавали и рассказы-журналы: Терричонге, где между прочим помывлены его переводы из Торакия, Пиа, дара, поэтуза Якова Балбде и др., и Адрастеа, где находятся содзрия и Карахуери XVIII столетия. На, конец, его школьная рочи содрана подь заглавием Торхой.

Надобно сказать, что поэтическими произведениями, Тердери удовлетворяли своими прозаическими сочинениями, как литературно-эстетическими, историко-философскими, геологическими, так и философско-

педагогическими, во ветах которых они распродражили, сранили изобилие новых идей, и имевших на нас большее и благодетельнейшее - благополучнейшее влияние на образование немецкого народа.

Какъ уже сказано, никогда никто не убитъ ни, не доедигнуть такого многостороннего литературного завоевiя. Гердеръ приносилъ это завоевiе въ науку, какъ и въ поэзи: многиа изъ его мiслей суждены, были до него, болшииже не такъ давно не закончено; болше возбужденiй, чимъ результатовъ, болше вопро, совъ, чимъ оценокъ; снмалая гипотеза, мало доказа, зельсезь. Но если искусство зредуетъ совершенсва, то въ науку мотаетъ сразу полезныи и незакончен, ное, когда оно не ограничивается чезносердямъ, а сзре, мизей къ одицему. Путь Гердера смозришь на вещи зольско издалека, гдъ глазомъри обманываезь и формъ расплываюезь. Они все-таки сзоблн на законъ счасливой зольско зрнiя, что мотъ многиимъ указатъ путь и путь, по которимъ они и по сiю пору срани, сзвуютъ черезъ горы и доли. Его взоръ проникалъ за границы оцдильныхъ областей, и кро въ какой-либо изъ наукъ о челоовческомъ духе сзренизел къ висо, чайшимъ задачамъ, кро снужно изнкознати или позорин, кро посвящаезь свои силы мивологiи или этнографiи, кро собираезь народныя предачiя, изу, таезь немецкую или еврейскую древносезь, снжиди за развизiями национальнми особенносезь на ветахъ попривады жизни и сфараезь познать образоваель, ное влияние природы на челоовка, зоръ должины по, гизатъ въ Гердера провозвезника. Какъ бывають

важно обобщение разрозненных областей науки для целостности знания, это повсюду мы видим у Гердера. Он, как всегда, развивал себя с удивительного поспешия, до чрезвычайности. Это самая ранняя сочинительская деятельность в области всего позднейшего. Но все-таки не обошлось без значительных колебаний: его первая попытка принадлежала к историческому правоведению, в Риге его религия приняла свободомыслительное направление, в Гюккесбурге он стал враждебно относиться к Библии, в Веймаре он снова стал либеральным. Когда он на высочайшем уровне деятельности в Риге внезапно порвал своего замкнутого мирка и когда на него повлияли новшества французской революции и зачатки французской революции во Франции, среди гурьбой национально-этнографической и среди новшества отношений, тогда все его идеи прижились в брошюры. В дневниках, которых он вел, только платил слезами за другими. Мысли перелетали в мечты, рождалась ^{вечная} мечта. Он видел себя в будущем до восточных, до восточных. Он хотел сдвинуться Кальвинизма Риги, Лютера России, но в нем невольно проявлялся угонщик: все кончалось книгами, которых он хотел бы написать. Везде, а особенно в своих первых сочинениях, он был, как всегда, удивительным, восхитительным гением, но в конце его жизни и кружок Лессинга, к которому он все время писал величайшее уважение. Он шел дальше в направлении Лессинга, когда восхвалял Шекспира, Гомера и народную поэзию. В духе Лессинга он был жертвенным, гурьбой

ланномъ, были расположены въ „защитѣ“,
 когда онъ требовалъ уваженія къ варварскимъ наро-
 дамъ, презираемымъ родомъ поэзи, такъ-называемыхъ
 германскихъ временныхъ и заблужденныхъ поэтовъ. Умнее,
 чѣмъ Лессинга, онъ старался опредѣлить границы
 между поэзіей и образовательными искусствомъ, поза-
 бивши о томъ Лессинга онъ старался изслѣдовать разни-
 цу между тлаской и шибонисскою; онъ умѣлъ пре-
 красно исправить Лессингову теорію басни и эпи-
 граммы, но совершенно въ духѣ Лессинга онъ тре-
 бовалъ въ лирику прежде всего двисненія, развѣдья,
 драматизма. Но какъ Лессинга были по преимуществу
 эстетикъ и отчасти историкъ литературы, такъ Гердеръ
 былъ преимущественно историкъ литературы и только
 отчасти эстетикъ; если Лессинга прилагалъ все свое
 богатое историко-литературное знаніе, чтобы най-
 ти правила для зворжевья и точки зрѣнія для крити-
 ки, то Гердеръ изучалъ литературу разныхъ народовъ
 и временъ ради ихъ самихъ и съ теплымъ помыс-
 ломъ, старался какъ бы вновь возсоздать авторовъ, ко-
 рыхъ онъ изучалъ, старался войти въ ихъ физическіе,
 временныя и душевныя условія, при которыхъ воз-
 никали литературныя памятники, старался ознакомиться
 съ евреями-евреями, съ арабами-арабами, съ егип-
 тичанами-египтянами, съ персами-персами и, за-
 кимъ образомъ, при помощи разсужденій англичанъ,
 египтянъ зрѣлѣе того времени, показавъ себя учени-
 комъ Конзескиса и Вилкельманна, которыхъ него-
 рическій патинализмъ продолжалъ въ немъ жить,
 и привести для литературы новые плоды.

Но Тердери обнаружили устное понимание гудной поэзии не только как незоричи литературы, но и как переводчик. Его собственная структура, в которой характерно всеукраинский наклонность к небольшому поучительному рассказу, к аллегории, притче, легенде, не имели большого влияния. Но его переводы принадлежат к классическим произведениям украинской литературы и в эпоху озношения очень соответствующим Мухомовскому в русской словесности. Тердери в лучшие времена слова, сделав из пухи добродетель. Начиная с Ошица до Клопшюка и Лесинга, в Термании распространялось иносказательное литературное господство; на сокращавшихся еще озаказав этого иносказательного господства Тердери основаны иносказательно универсаль, поэт, добровольно гуманно преданное гудини народом и далеким временам, которая не выпра, мивает и не зертует сама в гудини влияния, но только собирает богатства у друзей народов и приобщает новую силу. Переводное искусство Тердера основывается на глубочайшем понимании языка и поэзии вообще, и в происхождении, и в развитии и связи. Здесь были особенно видны в нем украинский Таманка. Поэзия есть родной язык человечества: что, мой мир знаний угадывает в зрелище глубины слова, как и Тердери были именно способны открыть ми, существование негара этого озножения. Поэзия старше прозы; поэзия живет во языке; поэзия живет во мисте; поэзия строит в древнейшем начале незоричи. Первоначальная поэзия, поэзия природы, поэзия гудини.

полностью срастает людей, в которой вся природа описана, зворнуется, движется и говорит; поэзия, которая для нас, не в поэзиях диких народов, — есть исключительная поэзия. Библейский рай и совершенный первоначальный человек Руссо идеальнее возродился в умах Гердера; возвращение к природе и по его взгляду ведуще к оригинальности и к идеалу. (X)

Уже в первых своих книжках Гердер, по воле расценил Рацера, выводит изразем на просторы природы из спертого комнатного воздуха искусственного воздуха. Уже в "Озрывках" — Фрагментах очень доказывает, что изучение языка есть изучение духа народа и вместе с тем духа его национальной литературы; оно показывает глубокое уважение к плазматическому языку первоначальных людей, в котором все — поэзия. Руссо, несомненно оказавший на Гердера сильное влияние, воздерживает первоначального человека, как и первоначального животного, но оно не знает их. Гердер излагает их и, несмотря на недостатки, которые материалом, доходит до блестящих результатов. Оно в первый раз на пути новой истории с такой точностью и детально орудует поэзия от филолога, зворнуется от изучения языка и литературы, и в основу этого изучения кладет обилие, для всех народов обязательные законы исторического развития. В то же философский язык Гердер предпочитает философию истории; она, а не философия, в его глазах есть наука, которая и от недостаточного внимания к ней происходит все плохое в взглядах и все ошибки. На языке ^{с. 107-117} как на то-то искусственное,

1) Ср. Geschichte der germ. Philologie etc., стр. 227 и "Besonderheit der literaturgesch. Kritik (и Кирпичниковская) 7. 4-ий, стр. 159 и 160.

выдуманное, условное или как на дарь Божества,
явившийся сразу готовым. Ортодоксальный взгляд
разрубает, а не развязывает Гордиев узел; какими
эти образы сь божественными происхождением
языка можно приписать его переходный изыскане,
ий? Теория условности языка также мало способна
выдержать критику, как и теория изобретения мифо-
логич. мифологии жрецами. Язык и мифология — живые
организмы, также как и народная поэзия. До этого
мы знали только мифологию, искусственную поэзию; Гер-
дер определил сущность и происхождение поэзии
народной; эта поэзия сь архива народной жизни;
она выше и прекрасней искусственной, и изучение
ей сь изучение основы народного духа. Это нечто
народа, язык и нация, нрав и здоровый интел-
лигенция, язык как она должна корениться на нас,
родной почве; поэзия, продуцированная одной интел-
лигенцией, ничего не создаст; земная поэзия сь
только язык, это сь природа, инстинкт, одушевление,
фантазия; возвращение к природе и народности
сь возвращение к оригинальности и идеалам. Только
язык писателя велик, который слушает выразитель
идей и действий своего народа; только он займет
поэтическое место в истории литературы. История ли-
тературы не сь история литературы и палеонтология,
а история развития духа национального; если она
хочет быть наукой, она должна обратиться к вы-
сшему общему закону, а это возможно только
путем сравнительных или, точнее, сравнительно-ис-
следовательских. Мессинг поднимает Шекспира до Водяна;

Тердери доказываеъ, что невозможно иль сравнивать, озорвавши зого и другою оъ погвы. Шекспира, какъ и Софокла, надо изучать иъ него самого, его народа и его временем, сравнительно съ его предшественни, какъ и почитователями. Общиль, незидельный кра, былъ красота иъ; всякая эпоха, всякий народъ имееъ свои правила, и писатели можно судить только, исходя иъ его среды; Резервские взгляды иъ, ковы иъ, для насъ только историческое значение, и Тердери въ отношении искусства много далье остав, лдери за сабою Винкельмана, немели Лессинга относительно литературы: онъ не поднимаетъ живо, тель пластинъ, а придаетъ ей самостоятельное и столь же важное значение; онъ нашла высокою поэзо въ гоическомъ смысле и оцъннилъ своеобразную пре, лери старонемецкой живописи; онъ поднялъ на надлежащую степень и лидтарту, которую Вин, кельманъ не придавалъ почти никакой цъны. X

Тердери придаетъ совершенно новую иъдери из, учению Бидли. Хотя въ настоящее время религиозные взгляды Тердера измънились — закъ въ Бюкке, буртъ, какъ мы уже слышали, онъ былъ гораздо ор, доксалъ, немели въ Веймаръ — въ общель онъ былъ въренъ себъ: на Бидли смотритъ онъ, какъ на драгоценный иъ сборникъ возогной поэзи, историн и археологин; онъ беретъ каждую слову ед, какъ буквы древнѣйшаго документа; кра, въ творчелье геологи замучоъ: дель субогний зврен предънами оъ, что зода боть погиль оъ дру, довъ; Тердери понимаетъ дель совель наобороъ:

История ит.и. литературы XVIII века.

Боже почить оъ здодь своихъ въ судьбу именно поюну, что евреи издревле праздновали зреть день; Моисей для Гердера — национальный герой еврейского зноса.

Для Гердера мзръ земныхъ периодовъ въ историн, и каждая эпоха и мзврь сама въ себя зьтъ и сред, зьба; презрание философовъ XVIII столетия къ сред, мнмъ вькалаь камерей и мзъ крайне несправедливый, зодь отъ и не думаетъ поклоняться мнмъ, какъ зрз дталали его ученики романтики. Вообразе въ поэта, мвнмъ многихъ историческихъ и историко-лидера, зурнмъ вопросовъ Гердера гораздо ближе къ истинм, невели слишкомъ увлеклись Ансиземъ стьдую, ззого поколонид. Изъ современниковъ оцтнмъ его по доезотмезвзъ зотько лучшм мюди; Николай неостроумно пародировалъ его зьвасение къ родной сзарины и народной поэзии, но Тере называлъ его „Идеи“ своимъ историческимъ евангелиемъ.

Гердеръ также, какъ Мюзеръ, воззравалъ призиви духа своего вька; и надъ кними господствовало незо, рическое понимание: если мы захожимъ содразъ его мнмление и поэзию въ одно положение, зрз будеть: история человеческого духа. Сначала Гердеръ вьсру- пазерь послонм Таманна и вьвзврь еь зьльм учени, коимъ Лессинга. Въ немъ соединяются поэзия и фило, содръ. Все, что онъ обрабатываетъ, доказываетъ его гени, альность. Въ немъ соединяются (по Мамм-Поллю) зл, линская евоисерь и нидийская вазинская мизни, рьдонм еь зьльм ондръ-закм глубоко христианское. Какъ философъ онъ — эмекрмъ, и зьтмъ чуюмо по,

Многъ въ вѣду его уваженіе народнои
 нимаа содѣвательнаго образа. Въ нѣкозороу оуно, ^{позднѣ}
 меніи можно его смѣять предвѣстникомъ новаи,
 имѣ въ концѣ XIX столѣтія возникшей науки,
 фразеологизми. Какъ поэръ, Гердеръ имѣлъ значе-
 ніе зомско для своего времени; единственное его
 произведение, получившее мировую извѣстность,
 „Романса о Сидѣ“, вѣдѣніе уне поелѣ смерти его,
 — зомѣко прекрасная передача испанскаго народ-
 ной мѣлы. Вліяніе Гердера распространилось
 далеко на всю область искусства, литературы и жи-
 ни, весь періодъ бури и нагнетка болѣе или менѣе
 проникнуто его воззрѣніями.)

Мѣъ Гердера на русскій языкъ переведена: „Мысли,
 оунодѣдѣніе на философию и есторію челоукачества“.
 1829. — „Романса о Сидѣ“, переведена Жуковскимъ.)

„Оригинальное гени“.

Оригинальное гени, ^(Originalgenie) періодъ гениевъ, бурной
 оуруженіи (Kunst und Dichtung). — Этимъ названіемъ
 (какъ я уже раньше на это указалъ) обыкновенно
 прославляютъ или осѣиваютъ немецкую литературу,
 разурнуто революцію и ея послѣдствій. Она была по-
 этическая и религиозная. Въ то время какъ разви-
 валась эра противоположности, когда въ одной еро,
 ромы Камъ, съ другою Спитоза и Гердеръ навадилли
 оуоуи приверженцевъ и послѣдователей и зажилли
 образы закладывалась основа для немецкаго на-
 уки, величайшіе немецкіе поэры создавали свои
 самыя ^{зрѣлыя} произведенія и дали своему народу зрѣлыя,
 нѣе фразеологическаго союза. Тѣлово силы, горячей оуби,
 нѣе мѣръ, геллоубіе, масса подвиговъ, недѣлоуе

Крестовъ, J. Sonnenberg, Die Karam der deutschen Lit. in Lebensgesch. Form. 3 Bde. Bonn,
 Scher. 1874: II. Wislond, Lessing. — Harder. Grisebach, Die d. Literatur 1770—1870. Wien 1876;
 Lichtenberg, Harder, Bürger etc. Charles Fasset, Harder et la renaissance litteraire en Alle-
 magne en XVIII siècle. 1875.

въ гасуносудьбѣ, но утверженное въ обидѣ, — изъ этого бурнаго суремленія воли и разума произотшла нѣмецкая мизеракурная революція. Герои поэтическіе „бурнаго суремленія“, предводители революціонной драматизици стали учениками грековъ и носителями высокой классической поэзіи. И они также прежде, явились и отищались, какъ Гердеръ; и „Назатовъ“ Лессинга указывали нѣмъ путь къ болѣе строгой формѣ. Но всего этого они не доурили сразу, но только мало-по-малу. Гердеръ еще болновалъ, и его буйное суремленіе къ зворисезву еще не находило ни, какого удобстворенія, когда отъ возрвзшеся въ Страсбургѣ съ Тѣзе и образилъ его въ своего ученика.

Тѣзе былъ родомъ изъ Франкфурта, окрестности Рейна и Майна, гдѣ производала народная поэсія XIV столѣтія, франкское племя, къ которому принадлежали Турренъ и Тамаръ Саксъ, городская речушка, близкая, бывшая когда-то средоточіемъ нѣмецкой книжной торговли, дала Германіи ея величайшаго поэта — гения и одарила его природною смесью и немечерпаемого свѣтосмесью, какія нѣкогда вынесъ Вольфрамъ фонъ. Штендаль изъ своей Баварской родины. Студентъ города, въ которомъ когда-то короновались нѣмецкіе императоры, былъ очень далеко отъ уютнаго и нѣскольکو узкаго германскаго и одиссеувеннаго образования, какое господствовало, напр., въ Лейпцигѣ; отъ сморгалъ не впередъ, а назадъ; отъ шилъ не въ подвигахъ, а въ воспоминаніяхъ; его вредъ наступило тогда, когда нѣмецкая

температура снова прилинула къ прошедшему. Но о Тече, ^{отъ} Эголь масзоднице въ величайшемъ гении въ, немецкаго народа, распространеныя подробности въ, слѣдствіи. Теперь образился въ языкъ называемый "оригинальными гениями" (Originalgenies), каковы: Юнгъ-Штиллингъ, Лафазеръ, Менцъ, Т. Л. Вагнеръ, Мерсъ, Клинкеръ, Шубартъ и др. Лафазеръ и Шубартъ нѣтъ нѣтъ принадлежать къ школе Клонихоска, съ ними въ еще ознакомились. Намъ приходящія здѣсь основаныя имъ на основаніи "оригиналь, какъ генияхъ". Масзодние Эголь Эголь, которую такъ, мы назвали, периодомъ бури и казуса (Kritik und Dichtung) высказалось особеннымъ образомъ въ X

1740 + 1817.

Юнгъ-Штиллингъ (Heinrich Jung genannt Stilling). Онъ родился въ Трондхъ князевствѣ Васс, сау въ 1740 г. Былъ школьнымъ учителемъ, педангомъ, бав, таго викария съ званіемъ и поручикомъ, онъ долженъ былъ, почти ребенкомъ, покорить оцъ державу школу и поручикомъ. Которы онъ былъ такъ, какъ вое время домашнимъ наравникомъ у одного купца. Сколько ^{въ} 30 лѣтъ, въ 1770 года, удалось ему высунуть куры медицины въ Эрзсбургъ, где онъ познано, милетъ съ молодикомъ Тече. Въ 1772 г. онъ получилъ званіе врача и шилъ екаала въ Эмберфельдѣ, где онъ прославился искусными скандиями Баль, ма, но ничего не нашлось. Тогда онъ посвятилъ себя камералистикѣ, едталася Экономистомъ, въ 1778 г. Былъ преподавателемъ у камеральной акаде, мии въ Лаузернѣ или Райзерелаузернѣ, потомъ въ 1784 г. былъ профессоромъ камеральной науки въ

У и которую въ новѣйшии время на руссконъ Эголь описали Шаховъ

„Heinrich Hillings Jünglings-Jahre“ („Номосекіе годѣ“),
 „Montauspacht“ („Тодѣ сзрамеэхованіѣ“), „Jünglings-Liebe“
 („Доматмѣдѣ сунзѣ“), „Lehrjahre“ („Тодѣ ученіѣ“), „Aster“
 („Сзаросѣѣ“). Это его главныи труды: Heinrich Hillings
Jugendjahre oder todan Zeugniss, Jünglingsliebe, Montaus-
pacht, Lehrjahre, Jünglings Liebe. 4 H. 1777. 8. Leipzig. u. Ber.
 57f. 1806. При первомъ изданіи замѣтка о немъ особен.,
 но въ литературномъ отношеніи маэзерскіи изобрѣ-
 шеніи и индивидуальныи сфоромы характера и
 карьеры дѣлскіи впечатлѣній; преобладающее
 направление всей автобиографіи — глубокий интим-
 низмъ. Роль Шумлинна сизалъ себѣ особеннѣе
 подобіемъ Бога.

1750+1792. Михаилъ Рейнгольдъ Ленцъ ^{Титовъ} (John Michael Reinhold
 Lenz) родился въ 1750 г. въ Реевентъ шпрядинской
 пубертин, учился въ Кемнебергѣ богословію, отпра-
 вился въ Берлинъ, сопровождалъ двухъ молодыхъ
 дворянъ въ Сурасбургъ, гдѣ познакомился съ
 Тѣзе и Тердеромъ. Въ 1776 г. били оны въ Веймарѣ,
 но не могъ уириетъ гайнъ. ^{Векоръ посли 1780} ~~позомъ~~ ^{оуправилея} оны
 къ Рейну, поставили Швейцарію ~~Векоръ посли~~
 и въ 1782. оны оселись съ чина. Это скарій братъ
 оуправилъ его на родину. Позомъ Михаилъ Ленцъ
 шилъ въ Кезербургъ и наконецъ въ Москва, гдѣ
 въ 1792 г. умеръ въ крайней нуждѣ.

Нѣкій Забцманъ, еще до приѣзда Тѣзе, сохранилъ
 въ Сурасбургѣ литературной кружокъ, гдѣ Ленцъ
 били дѣлалъсь вѣнсетъ ^и молодыхъ поэтовъ Тѣзе
 и др. Въ собраніяхъ этого кружка сильно сказъ,
 балосъ водне новѣго духа, немецкая революція

вкуса, фантазии и мысли, которую, какъ уже знае-
 емъ, позднѣе окрестили названіемъ періода бури
 и нахлыска (иначе: періода бурныхъ стремлений).
 Это виднѣе выразилось протрѣпаніемъ ко всякой
 условности въ жизни и искусствѣ и къ француз-
 замъ, ея заимствованіемъ, уваженіемъ къ нѣмец-
 кой сгаримости и национальности, поклоненіемъ
 Шекспиру и природѣ. Лейбъ русскій нѣмецъ, ко-
 торый кончилъ поэтмахаарьство, находилъ иногда
 въ маленькомъ тѣснѣхъ и разказахъ зрѣло и
 пророчно поэзію; онъ усвоилъ себѣ съ душевными
 взгляды Тердера о поэзіи и развивалъ и въ своихъ
 образахъ въ „Антонъ-Види и въ „Фронтис“ (Примѣ-
 чанія о театръ, 1774г.); „Одинъ изъ бурныхъ шекспири-
анцевъ, въ своихъ драмахъ онъ оудалъ самымъ ди-
 кимъ вымысламъ, въ которыхъ, однако, являлся
 иногда сгарливо обрисованной характеръ — наивная
 особа, педантъ, добродушный крикунъ, которые
 обнаруживали неумный талантъ. Лейбъ-грезиторъ,
 но разгорячившійся, человекъ поэтическое, часто
 гениальнаго дарованія, изоглающій оригинальной
 формою и сильными выразительными, но безъ изобр-
 зительной силы и наэроетія. Оуданно онъ изо-
 бразилъ зомьеродъ сгароны поэтмахаарьской и граси,
 данской жизни въ своихъ комедіяхъ. „Два Готти,
Два“ (Туберверт, 1774г.) осудяетъ злоупотребленіе
 чарснаго воспитанія дворянъ; „Два нѣмъ лепога“ (1774)
 описываетъ порчу правоты; „Болванъ“ (1776) изобра-
 жаетъ безправственную жизнь военного сословія въ
 гарнизонѣхъ. Кроме того Лейбъ обрабаталъ много
 / онъ написалъ рядъ драмъ оригинальных по замыслу, но
 дикимъ и неправымъ.

св. Тезе (1774 г.) комедии Плавта. Когда несчастный Лейцгарт явился при Веймарском дворе, — его боре, или и держали как больного, а потом из-за шуточной выкладки, во роду того как Массе из-за обидной прищипки, он подвергся окончательному изгнанию. Лейцгарт и Тезе сливаются в Массе графедина; Лейцгарт на самом деле кончил жизнь трагически.

1748 + 1779.

Гейнрих-Леопольд Вагнер (Wagner) родился в 1747 г. в Сврасбурге, учился юриспруденции и умер как присяжный поверенный в 1779 г. во Франкфурте на Майне. — Он так же, как Лейцгарт, был одним из бурных текстурщиков и примкнул к дружескому кружку Тезе в Сврасбурге и Франкфурте. Вагнер учил эротическо изобразитель с грубым реализмом сцены из Изаиды, ского соловья. „Die Fintstmalerei“ (Дюбуайца, Лейцгарт, 1776) — уопаста, оурашная пгеса (in уопаст, рифматас Фридауфайк); „Die Frau Fint. Kunstpiel“ (Радоеуна женщина. Драмауический эпилотас, Франкф., 1775 г.); „Prothetens, Deukalion n. Fint. Kasurritan“ (Прометей, Деукалион и его рецензентас, так же, 1775 г.), это — возрашение на выкладку Николаи прозвуть Тезев. скимь Свраданий молодого Верзера.

1741 + 1791.

Гог. Тетр. Мерк (Hoh. Fint. Merck) родился в 1741 г. в Дармштадте, был сыном аптекаря, учил, ся в Алздорфе и Тезингене, долго путешествовал, а в 1767 г. служил в родном городе: сначала был секретарем тайной канцелярии, с 1768 г. — военным казначеем и пригрозил — военным у Позанов. Позже периода, бурных суррелизий Якоб Лейцгарт, его жизнь и произведения. Кругомское издательство с приложением изданных материалов. 646 стр. Ученя Записки Учен. Московского университета 1904 г.

совестником; попал в несчастную спекуляцию и в 1791 г. застрял в опасении, что его обвинят в беспорядочном ведении отхожих по военной кассе.

Меркль был человеком замечательно образованным и начитанным, с весьма развитыми критическими чувствами, с замечательным наклоном к сарказму и пессимизму; не обладал творческим способностью, он очень любил литературу и прекрасно владел пером. В продолжение 1772 года Меркль редактировал "Франкфуртский ученый журнал" ("Frankfurter gelehrten Anzeiger"), критический журнал, где сотрудничали Гердер и Тёпе, и где впервые издали знаменитое "Бурное время в Германии" ("Sturm und Drang") немецкой литературной революции. Меркль был душой этого журнала и много раз сотрудничал с журналом "Немецкого Меркурия" ("Deutscher Merkur") и "Всеобщей библиотекой" ("Allgemeine Bibliothek"); в журнале попыткам его остроумных рецензий. Кроме того он писал много раз богато содержательные рассказы ("Geoffrey's und Galtion's Oheim" - История г-на дяди и др.) и басни, в которых он с ясностью и с проникновенностью обличал всеобщий упадок, скверные общественные отношения, государство, церковь. Меркль оказал большое влияние на умственное и отчасти художественное развитие Тёпе. В зрелом молодом возрасте он сразу признал Виландта, с которым и вела переписка, и вела переписку с ним, газетой. В 1772 г. Меркль как редактор издавал "Frankf."

Фурцкскія учебныя записки и Тезе, козоровъ въ
 это время сблизился съ дармиградскими воеи,
 князь совозниконъ Меркомъ, поименованъ закъ
 рядъ кризисескима сраженъ, работа надъ козоровими
 была въ высшей степени полезна для его слава,
 возмуделъ воззрениъ. Въ то время у него были
 революционныя сужденія и рязкій тонъ, вооб-
 ще то, что тогда составляло вышнннй приуказъ
 гениальности. Тезе себя и зоварицей своихъ на,
 зовало гениемъ. Меркъ озримался кризисескима
 дарованіемъ. Козъ отъ уважалъ новыя взгляды
 оъ естественности (натуроафорит), все-таки былъ отъ
 того мнотннй, что гениъ нурндаеся въ еудомезвен,
 ному образованію, и имннлъ белградзвіе своего
 образованнаго вкуса значительное вліяніе на
 развнтіе Тезе. Когда, гозовъ Теза въ печати,
 Тезе бовелъ не найти издавель, то Меркъ пред-
 ложилъ напечатать его на иль одицій скеръ, и
 Теза поввился въ светъ въ 1773 г. Меркъ была
 въ близкнхъ сношеніяхъ со всеми выдающимися
 личностями того времени, вторившими его
 тонкому кризисескому взгляду, козъ вполнѣ
 реализескескому. Его перетиска съ саими вы,
 дающими млодими того времени (съ Тезе, Тер,
 деронъ, Виландомъ, Клаудисомъ, Домомъ, Якоби,
 Масрадеромъ, Ленцонъ, Николаи, Ф. Т. Шлоссеромъ,
 Фростеромъ и др.) для зоданннхъ ознакомленнхъ
 съ зоданннми литературными созаданіемъ-отенъ
 важна. Его, Antiquarische Briefen zur Historie Literaturis
ins Jenseit изд. 1840 г. Ад. Шавъ. Меркъ, совозниконъ,

-друга Тёре въ его периодъ бури и набуека, оказыва-
 ется въ своихъ маленькихъ романахъ ослепительныя
 наблюдениями и сатирическими отсечениями -
 колоритомъ духа времени.

Название этому периоду бурныхъ стремлений
 данъ Фридрихъ Максимилианъ Клингеръ, по-рус.
 ски Федоръ Ивановичъ (Klinger) 1752 + 1831.
пид Якобу ("Буря и набуека", 1776г.). Онъ родился
 въ 1752г. во Франкфуртѣ на Майнѣ, выросъ въ убо-
 кой бедности, но получилъ хорошее образованіе.
 Сынъ франкфуртской прачки и неизвестнаго оу-
 ца, онъ своими способностями обратилъ на себя
 вниманіе одного учителя гимназіи, похитившаго
 его въ гимназію. Тамъ прочелъ онъ англійскія
 и французскія писателя, и, окончивъ гимназію,
 чешскій курьеръ, отправился ^{въ 1772г.} въ Гиссенъ изучать
 юриспруденцію. Но литература привлекала его
 сильнее, въ консул ^{у него} онъ записывался Руссо и Шек-
 спиромъ и началъ писать 20 л. съ недолгимъ.
 Онъ написалъ трагедію "Ольга" ("Орзова", 1775г.). Вме-
 радъ его драма "Die Zwillinge" ("Близнецы, того же
 года) уже имела гораздо большае успѣха. Она была
 вознаграждена преміей Шрёдера, назначенною
 за лучшую трагедію. Во время нунемскаго по Швей-
 царю онъ сошелся съ Тёре, котораго познакомилъ въ
 Веймарѣ въ 1776г. Позомъ Клингеръ былъ секре-
 таремъ и драматургическимъ писателемъ - драматургомъ
 въ Лейпцигѣ. Когда вспыхнула война за Савар-
 ское наследство, Клингеръ въ 1778г. безумилъ въ
 австрійскую службу, на которой оставался не долго.

Когда же его звание возвышило в американскую армию, он не уклонялся от службы, она отпраздновала в 1802 г. в Петербурге, где была принята поручиком в один из полков артиллерии полковник, с которым он участвовал в походе против Польши в 1793-1794 г. Через 21 год Клинкер был произведен в генерал-майоры (в 1801 г.) и назначен директором 1-го кадетского корпуса, затем главником дирекции высшего гражданского корпуса и, наконец, помещиком земель дерзевского учебного округа. Произведенный в генерал-лейтенанты, он был уволен в 1820 г. в отставку. Он умер в 1831 г. в Петербурге от холеры.

Клинкер - благородный характер, отличившийся как горячий, пламенный любитель к добродетели и ^{справедливости} свободы, так и ~~(наполненный)~~ горячий, пламенный ненавистник прозы и лицемерия. Весь его сочинительский талант с юности был посвящен драмме, острая потребность к правде, свободе и независимости. Видя, как мало на свете было добродетелей, Клинкер часто впадал в угрюмое настроение, выражавшееся в его сочинениях (особенно в его романах) сплошной, т.е. безраздельной, брани (нередко несправедливой) ненависти и прозы, киев к лодкам. Увлеченный направлением времени, Клинкер пробовал себя сперва в драме, хотя для этого рода поэзии не имел ни какого особенного таланта, особенно он не умел создавать и развить своего плана. Впервые

исеять преизвучесть ему сличности большае
 сраезности, а въ послѣднѣе — наибольшая на,
 клонность къ рефлексии; но все содержало много
 прекраснаго; диалог — часо маскерской, взятъ въ
 предвѣстїи исеять — сраезно смѣлѣе, въ позднѣе
 и позднѣйшѣе — всеот и образованно. Это на,
 исеять много драмы въ прозу. Это предвѣстїя дра,
 гедии: „Отто“ („Отто“, 1775); „Дин Зювлинги“ („Близнецы“,
 1775г.) — какъ уже сказано, вознаграждены премїей —;
 „Даб в. Сибиле Давс“ („Страдагельская Срадающая женщина
 1775г.) подвѣлае въ прозисполности „Радоемной
мѣстѣ“ („Бюфа Бюф“) Вагнера и сираласъ до послѣднего
 времени исеето Ленца: „Дин пинн Ария“ („Новая Ария,
 1776); „Симоне Фрисалдо“ (1776); „Бѣтти пинн Дорину“ („Бу,
 рѣ и казисек“ 1776): „Бурѣ и казисек“ олицезвордотъ,
 ея въ Этой драмы зото еще мѣстѣ, въ ея геротѣ Вилдотъ;
 въ прозисполности ему явлеласъ мѣстѣ Гла,
 зисек, преизвучелъ колоднаго размыслелїя. Такими
 образомъ, въ Этой драмы карактерелъ, выказывеласъ
 двойная натура абзора: сзойское и высокоинтерїе,
 разрывателъ вѣт оковъ, и радотъ съ Этой кроукое,
 покорное удвожденїе въ мѣстѣ вселѣ людей
 и везелъ, близкое къ разочарованїю. „Бурѣ и казисек“
 — одна изъ Клингера первѣе драмы, въ которой оне
 съ анжисудоселъвеннаго прозисекъ выразелъ своего
 анжисекъ къ пошлоту порядку и всеинвелмироту,
 мѣстъ цивилизатїи, дала, какъ уже сказано, мѣстъ
 всему мизеразурному перїоду. Клингеръ былъ предъ,
 воеинисекъ байронизма и новаго французскаго ро,
 мантїзма. Это совершенно раздѣлелъ аксіону по „

слыдящего, что злое и дурное только за формою и существом,
 поръ въ мнѣ, чтобы формообразуе, а доброе и благород,
 ное — чтобы срадае. Это написал еще много другихъ
 драмъ, какъ-то, трагедии: „Широ иль Грин“
 (Сильно и его дожи, 1777); „Гельфрида“, „Конрадин“ („Кон-
радинъ“, 1784г.) — это — единственная драма Клингера,
 имѣющая национальнѣею сущность; „Два Гиндлинга“
 („Любимецъ“, 1785); „Аристократы“, „Медя въ Коринтѣ“;
 „Медя на Кавказѣ“, „Родерико“ (Родерико, 1790) и „Да-
мокль“ („Дамокль“, 1790). Это, какъ видно, — трагедии
 болѣе позднѣею времени? Клингеръ написалъ и
 комедии: „Два Дитриха“ („Дитрихъ“, 1779); „Два фолль-
геймера“ (Шулери-Обманщики въ мнѣ или: ^{сущность} Момет-
ническіе уроки, 1780); „Два Гринга уздаи Дин Гин“
 („Госуда прозубъ брака“, 1783); „Два Гринга Гриндлинга“
 („Два приданца“, 1790г.). — Изъ эрды драмы Клин-
 геръ потвердилъ въ полкомѣ собраніи своихъ со-
 ний только восемь трагедій („Глизицы“, „Гельфрида“,
 „Конрадинъ“, „Любимецъ“, „Аристократы“, „Медя въ Корин-
тѣ“, „Медя на Кавказѣ“ и „Дамокль“) и два комедии
 („Шулери“ и „Госуда прозубъ брака“).

Хоть драма Клингера имѣетъ самоезодвѣтельное
 значеніе, до ^{отчасти} все-таки главнѣею произведеніе его —
 романы; ибо кромѣ драмы Клингеръ написалъ мно-
 го фенденциозно-фантастическѣею романовъ. Его романы
 имѣютъ замѣтно дидактическою тенденцію, но этиге-
 скій образъ изложенія не унимается до незначитель-
 ной рамки. Они написаны болѣею частью въ то время,
 когда авторы уже перешли періодъ высокаго времени.
 Шибяе гениель, но хоть романы Клингера основны.

И между его трагедіями особенно характерны: „Глизицы“,
 „Срадающая женщина“, „Сильсоне Триалдо“, „Конрадинъ“ и „Любимецъ“.

важней на Балтоне глубокомъ наблюдении, чѣмъ его
драмы, за все время они сохранили юнотическую
свободу, стилистический языкъ и дальнее утверждение
презрительнаго сомнения. Клингера изложилъ въ нѣтъ
свои опыты объ естественномъ и искусственномъ
отношеніи къ человеку (*über die natürlichen und art.
Künste des Menschen als Kunst*) и о борбѣ добраго
со зломъ, которую онъ изображаетъ гасро въ ума,
самоуверенности и сердце раздирающаго, но поэтически
картиннаго. ✕

Клигера издалъ цѣлый рядъ романовъ, како-
то: „*Ophelia*“ (Орфей, 1798), ⁷⁰ позднѣе переработанной
„*Bambinos Fintzmauterkirchgoldtuff, Komiff-trugtuffe*“
„*Wuff*“ (Самуилъ-ванъ-полицейскій, комико-тра-
гическая пьеса Бамбино, 1791) — идка сатира про-
тивъ метафизики; „*Pimplaplastik*“ (1780), это —
насмѣшка надъ замѣри оригинальности гениевъ,
въ его сочиненіи участвовали Лафатеръ, Песторфелъ
и Заразиль. — *Die Gesichte zum goldnen Zuff* (Коро-
вѣ о золотомъ перу, 1788), позднѣе „*Sahie*“ (Сатира,
1798), излагаетъ идею, что цивилизація вредоносна.
„*Tausts Leben, Fintz und Gollanfurt*“ (Жизнь, др.
жизнь и существованіе въ адѣ Франца, 1791) — авторъ пред-
ставилъ въ этомъ романѣ Франца изображеніемъ
книгопродавца искусственнаго и провелъ его въ адѣ черезъ
массу своихъ и чужихъ, сознательныхъ и безсознатель-
ныхъ пороковъ дѣлать. Это — умасно зрѣлищная
картина человѣка въ его худочайшемъ уродстве,
тѣмъ, что — продуктъ, развращать общественыя и по-
лицейскія обывательскія.

тесден" (Мезорія Дмиафара Бармеида, 1792), излага, ерѣ, како производьное еднороднае водитъ къ ри, ранин и шезокооужьмь, зомскоразуи и правесвен. наа сила дотлатоъ челоуька образомь втомаго. „Die Giffiſſa Raphael de Aquilla" (Мезорія Рафаэля де Ак. Виллааа, 1793), это — изображение безчеловоуьской шезокоооужь развръзмой дуковной класзи. „Rachri von der Dünfelz" („Туземесувиъ передъ позопоиъ", 1795), изобрааюотъ большого саруричсеского еилого вредной послодезвиъ превразной, непондотной цивилизацияи по прихотю двороуь. — „Baust der Wollgambindau" („Восроутной Фрауоъ", 1797): проеое, чезое убогоидение одно мотерь веери къ мезиоуь. „Giffiſſa mthelien", „Uffri der mthelien Zeit" („Мезорія мтльа новий, маго времели", 1798): борьба благороднаго характера съ мизрию; „Das Weltmann mit der Duffat" („Сваз, ский челоуька и поэъ", 1798), совершеннотийиъ Фрудъ Клингера, изобрааюотъ въ масурекки написан, поиъ диалогъ прозивополюоткоуь мезду евоуьскимь и поуьески-метазельотивь възглядань оиуи.

По еобезвенноть словаиъ Клингера, „мтзаль наладиръ въ эфитъ соименидль неуротилуо, етльуо, гаеро безмлодуо борбу благороднаго челоуька съ при, зракань, порозиденнотивь идоомъ заблудения, разо, едикение сердица и разоудка, високий меты, губево дивозное и испорченное, чезое и висоое, героикий дила и злододнй, уль и безуиъ, насиле и еффа, дальнескуо покороуь, короче — все челоуьческое обие, ерво съ его чудесаи, глупоеряи, гадосеуьли и евоуь, лыми еуоронаи" — бездотъ факте бурной оуьременид,

1) Это въ нъкозороиъ емысле — автобиография.

гигантскую фразеологию и энергический каррикатуризм, но красота и художественного приема — нигде. Сэримле, мид Клингера, сначала пылкая, потом мало-по-малу оскубывая до эгоизма, ясно выражается вч. Размышления и идея о различии предметов жизни и литературы ("Unterschiedenheit der Gegenstände des Lebens und der Litteratur", 1802—1805 г.), которыми он заключил свое авторство. Незабывая, во все продолжение своего пребывания в России, на службе и в отставку, все написанное им исключительно за границей) он сам хлопотал предъ русским правительством о запрещении ввоза своих сочинений в Россию. Клингер в обществе — нравственный и унылый, ноци, рддомъ съ злимъ холодно проинесский, привер, замечу Руссо, особенно его Эмиля, болше поща ума, радко мзгрий и веселый, богатый знаниями своего и людей, ^{богатый} славными, высокими и возвышенными мыслями и убеждениями. Клингер, говорит Шерер, начал служить неженскими операми, драмами, комедиями, буйства, грубой силой, независимости к деятельности, культ природы в духе Руссо, безморг, ного революционного задора, но возвысился потом до зверской художественности, богатого знания жизни и болевших русскими генов.

Фридрих Мюллер (F. Müller или ^{Müller} Маллер-Миллер, 1750—1825. писатель Мюллера), родился в (1749) 1750 г. в Крейцнахе, было некогда воеводстве житоисцев и гра, веровъ на миди у герцога Цвейбрухенского, жилъ съ 1776 г. в Риме, принималъ во время Болотни казо.

итресное творчество и умерь за два года в 1725 г. — Фридрих Мюллер — поэт, гравер на медь и тит, живописец, почему он и называл себя *Malch Müller*. Он брал народные и древние сюжеты, Тетеведру, Фау, сра, Кибду; и натурализмы изометрич он вносил даме в свои идиллии, изъ которыхъ многогородъ написаны подъ вымышленъ Тессера, натурпоэта, в кнхъ уже сзреление къ естественности (*Natürlichkeit, Freiheit*) очевидно; такого рода, напр., *Гайн* (*Гайн, богъ лесовъ и полей, 17752*); *Das Satyr-Morsus* (*Сатиръ-1775*) и *Baschidon und Milon*. Его другия идиллии: *Ulrich von Coschert* (*Ульрихъ Косгеймский*), *Das Kitzlein, или*, *Die Bruch-Lied* (*Сзрелость обеще, 17752*) — оу, заси вьртой карзники изъ французской народ. поэти зидии. *Adams erste Trübsal* (*Первое про. снание Адама, 1778*), по сюжету и плану, начерта, нито, располосмето — вь роду Тессера, но гораздо глудше поязо и поэтике — ~~более поэтически~~ изобразито. Вь драматъ Мюллера обнарузи, ваяет ^{также} сзреление къ естественности (*Natürlichkeit, Freiheit*), но понавше вь экецентризеское и даме невоное, сзветное. Неоконченое *Fausts Leben* (*Жизнь Фауста, 1778*), это — одно изъ самыхъ дмиди и прозивной, ший произведений зого времени (Фауста подаетея черзу, чтобъ поворобоватъ своише сзраездь, уго, дитъ плозской повози). Рядомъ съ различными ошидками (слишкомъ большая сзраездь, необду, манность, неосозризалность), *Кюве* (1778) итески много прекрасного, особенно характеры — полны силы и правды; композиция — располосметие пред.

1) Шелушение — явление оролово

независимости - проясное, несомненное и угрожающее; ^{напряжённость} (в "Голо ишт Деновера" (которое окончено еще в 1780, а опубликовано только в 1808 г.) коммюнизия - переполнение, неясность, неупорядоченность и неопределенность, так называемая мистика - неясно и красиво, но чуждое без духа, исключительной чужеродности. (Пьеса Голо - Sab solo. Ein - в зрелище сочинении очень похотна на ру в "Деноверт" Шика; это у Шика - неосознанное подражание). - Лирические стихотворения и баллады написаны в стиле бурно-эпического, как в народном зоме. По А. Штерну "Kalen Müsser" - работа в прозе, была незрелой, но ^{вместе} с зрелищем материя полный франзизм, который в своих идеях, в своей драматизированной "Жизни графа", особенно же в драме "Ein Walz, gräfin Деновера" развил много исполненной жизни характеристик и ситуаций. Несомненно у Мюллера - сила, восторг и страсть, обширное описание характера, но ^{он} часто дик и отрывочный - фрагментарный.

1746+1814. Танн (Ludw. Phil. Hahn) родился в 1746. в Шпейере, изучал в Гейльсберге, был секретарем придворной канцелярии в Цвейбрюккене в 1772, ревизором егерского хозяйства в 1780 г., умер в Гамме в 1814. - У Танна были необыкновенные таланты для драмы, но он отказался от всей чужеродности в частях образительных ситуаций и характеров. "Ein Walz, gräfin di Pisa" (Волнение в Пизе, Цейль, 1776), это - обработка Уголиво по Данте и Терзенбергу; "Graff Karl von Adelsberg" (Lpz. 1777) - трагедия суррогата;

„Robert von Hohenseken“ (Лрз. 1778) — рыцарская икса,
кроме того у него — оперетки и шрифтескя сзв.
Козворемид. —

Это — дакъ названныя оригинальныя гетин.¹⁾

Тюрингенскій союзъ поэтовъ.

(Der Göttinger Dichterverein от. др. Гетинген²⁾).

Литературная общесзва процвѣтала въ эту эпоху.
Поэты Готты, какъ (въ первой половинѣ XVIII столѣтїя)
въ Лейпцигѣ и Галле, заключили въ Тюрингенкѣ
въ 1772 г. нѣскольско мектазелей-судесздовѣ — союзъ
поэтовъ, которїи они назвали „Нати“ (роизето) и ора
козорога издали огромныя послѣдствїя. Они при,
няли ижека Бардовѣ, поклялись дручь другу въ вѣч,
ной друзидѣ, прославляли Бога, озересзво, добро,
днзель, и низали къ Клопшзoku такое презитерное
поиззакїе, что гозова были на него помшзедѣ. На,
скасско Клопшзoku и его современникѣ вввду,
тевили нѣмецкую молодесѣ и какое направле,
не дали они ей, всего вѣснѣе мознѣе какъ разъ
видзѣтъ на изгорїи эзого Тюрингенскаго литера,
зурнаго крузика (Нативид, Дифтисрава, Дифтисвнд).
Въ то время, какъ Мессїада близидаетъ къ оконка,
нїо, въ Тюрингенкѣ, сакаль помель нѣтъ нѣмецкїхъ
универсїзедовѣ (основаннѣе 1737 г.), литературные
интересѣ сзавились оземъ вѣеко; закъ издавалсѣ
съ 1769 г. нѣмїи нѣтъ нѣмецкїхъ альманаховѣ, ни,
сеналманасѣ“ (Альманакѣ нѣмѣ) подѣ редакцїей
даровїззого молодого челвѣка — Ксе, у козорога
въ домѣ собїралсь его вѣеко сзурдникѣ и хол.
ковали о поэзіи и другїхъ возвышеннѣхъ предметахъ.
¹⁾ конечно, не въ нѣмѣннѣхъ сїмѣль слова; зѣка, согласно корню
слова, подѣ гетингенскїхъ помїнали прирозиденное, въ прозївонѣ,
логїкоесѣ, некусзвѣтнѣму, козрѣвѣтнѣму уваженїе со времени Руссо.

въ шестнадцать были и Фросса, впоследствии знаме,
 низкий переводчик Томера и авторь поэмь, Луиза;
 въ шестнадцать къ своему другу и къ своей невесте,
 сестре Боисе, Фросса явилася поэтомъ грядущемъ,
 поэти этого кружка. 12 сентября 1772 г. молодые
 люди прогуливались за городомъ и, вдыхая восторженные
 своиими речами и красотою ночи, рѣшили заклю-
 чить „союзъ добродетели“, лозунгомъ котораго были ре-
 лигия, добродетель и чужеземство. 26 октября того
 же года Союзъ устроилъ праздники, на которыхъ пили
 здоровье Клопштока, Рамлера, Гейма, Тесснера и
 кричали „речей“ развращенно нравовъ, подражая,
 зелью ненавистности французовъ — Виланду. Они не-
 навидѣли французовъ, французскую и полонскую
 на французскую поэзию и ая предсказателя въ Гер-
 маніи, „убійцу невинности“, Виланда. Но они такъ
 же много говорили о свободѣ, глумились надъ дворомъ,
 были слугами и насмѣялись и събили швейцар-
 скаго героя Шалля и Херуска Германова (Клопшто-
 ка) подлѣ Бруда. Когда они ночью разгорячались
 оу своихъ разговорахъ, а кезари начиналась гроза,
 желали поспѣшить и грѣшить уранъ, тогда они во-
 образили себя спосадными въ величій дѣла,
 и когда были наивнѣе одушевлены, подразумѣва-
 ли подѣ звали убійство князя. Въ своихъ засѣданіяхъ
 были посвящены они высказывали пресупрестидъ кра-
 вителей, мечтали о будущиихъ бѣдѣхъ, въ разговорѣхъ
 они бы и въ озлобленіи, даже переносились въ два-
 цатье столѣтіе, когда должны были процвѣсти эти
 бѣды, и пали о итальянской речей: „Да бѣдѣхъ

Rofda Blut, das Zytomman Bunnfa Blut, das Zytomman
 Blut, das Zytomman Blut, das Zytomman Blut feibelt
 Jaina blaim Mallan... (Кровь коней журановъ,
 кровь холоновъ журановъ, кровь журановъ, кровь жу-
 рановъ, кровь журановъ красила звод синія вол-
 ны...). «Связой Клонитзовъ» давалъ на это свое бла-
 гословеніе. Узнавъ о сущезствованіи союза добродѣ-
 тели, онъ поспешила безупица съ ними въ сновен-
 ній; онъ зовѣко передъ зѣмлю собралъ свои ода и
 окончилъ своего мессіа; онъ прислалъ союзу кор-
 ректурные листы окончанія мессіади и велѣлъ
 членамъ выразить своего мадова и согузевіе. Скоро
 крушова увеличился прибузівѣ двубъ конкѣ
 графовъ Шзонсбергъ, воодушевляемъ зѣмлю ме-
 идеями. 2 іюля 1773 г. союзу зорнесузвенно празд-
 новавъ день рожденія Клонитзова. На возвышен-
 ности кресло, покрашомъ розами, лезлами соги,
 пенія Клонитзова, а у подножія его балалага
 «Мдрисъ» Виланда, изъ козрой присузузвующіе
 (даше и некурдяціе) должины были выпрѣваръ мезы
 для закуриванія зрудомъ... Мы были рейтвейбѣ
 за здоровье Клонитзова, на палды Мозера и Арми-
 нія, за благодарствіе союза и проч. была прочте-
 на ода Клонитзова: «Къ рейтвейбу и поткозорвѣ
 друидъ. Разговоръ срамъ горячѣ; мы говоримъ о сво-
 бодѣ съ шапками на головы, о Терманіи, о добро-
 двозели, и зи можемъ себѣ представитъ, какими зо-
 номъ: (Такъ Фросеъ). Въ заключеніе были соизменъ
 порзреръ Виланда и озазки его книжики.

Наканунѣ озытозда Шдонсбергъ члены союза

пробели всю ночь без сна; они клялись друг другу во взаимной дружбе, во вторично выскиты иудей; погрузились франкозией во далекое про-
шедшее и будущее. Клоппшюк думал, что при-
шло время возвестить на преезды польской поэзии.
Глебе ^{Halina's am} "Hainbünd'a" дошлины были разсказывае по
Германию и божь его наивсезниками. Мелтонад по-
этика, которую оны издали во 1774 г. подь загла-
виемъ, "Die Gesehichten-Republic" (Республика ученый)
и во которой преезная теория поэзии како, "Редил-
вни" франкозалас во высшей степени презритель,
но, дошлина была созавидать законот нового гоесу.
дарсуба. Но взрослые люди, которые еще не вымерли
во Германию, смодлиел надь эрими; новое государ-
ство Клоппшюка не создалос, и Теддинггенский союз
приняли участие во дальнйшемъ развизии польской
поэзии вовсе не во цыломъ, а зомско во мизь нъ,
который орднальныи выдатонилея сочленовъ.

Сзаршилъ, самилъ зрельмилъ и умтвеннмилъ во
этомъ одисеэво былъ Генрихъ-Аристерианъ Бойе (Heinr. 1744†1806.
Снп. Boie). Онъ родилея во 1744 г. во Мелбдорпъ во
Духаршенте, умилея во 1763 г. во Теддинггенъ юрис-
пруденцию, былъ во 1781 г. ландфогтовъ-зеискиль
исправникомъ во Мелбдорпъ, во 1790 г. — сразскимъ
совозникомъ (Statthalter) и умеръ во 1806 г. — Бойе
самъ мало писалъ, изъ его собоузенномъ суждотво-
рении миль неизмативельная часть сообрама (Времен
и Лейпцигъ 1770), но оны ^{вместе сь Теддинггенъ} основали или пономъ осно-
вае во 1769-1770 г. "Göttinger Anzeiger" (Теддинг-
генский Анзеигер муръ), редакцировалъ его до 1774 г.

какъ сборника шрифтскихъ произведений, редакция, ровала его до 1774 г. и имела золотое крыло, на въ союзъ, а въ 1776 г. основала превосходное еженедельное издание „Das deutsche Museum“ (Нѣм., музей), и какъ редактора и посредника приобрела заслугу въ немецкой литературной жизни.

1746+1797. Фридрихъ-Вильгельмъ Готторъ (Fr. W. Ell. Gotter) родился въ 1746 г. въ Тоттѣ, учился съ 1763 г. въ Тейттингенѣ юриспруденціи, былъ въ 1766 г. архивариусомъ въ Тоттѣ, позднее - легационнымъ секретаремъ въ Вейларѣ, гдѣ познакомился съ Тэре, въ 1772 г. - занялся секретаремъ въ Тоттѣ и умеръ ^{въ} 1797 году. - Готтеръ основалъ, какъ уже знаемъ, выходящаго въ Поля (нѣм.) Тейттингенскій „Меланіанъ музей“, но вскоре отрекся отъ редакціи, думая - предполагая, что слыхомъ, какъ много предпринимается новыя взгляды, которые по изученію французскаго образованнаго вкуса не нравились и несли по нутру, потому что они придали наибольшій вѣсъ (значение) естественной формѣ. Они обрабатывали нѣкоторые трагедіи Вольтера: „Crest“ (Готтѣ, 1774); „Мегорѣ“ (тамъ же 1774); „Альзисъ“ (тамъ же 1778); далъ еще обработать ⁽¹⁷⁷⁶⁾ Меланію („Меланіе“) Лагарпа (La Harpe, это французскій публицистъ и критикъ, жившій съ 1729 - 1801.) съ большимъ ловкостью, а также по французскому и английскому - большое число комедій. Въ комедіяхъ „Die Polka Bastki“ (Тордая Басти) и „Esther“ (Эрмидіа, Лпц. 1795) древній сюжетъ удачно передѣланъ по новой модѣ - на новѣйшій ладъ. Оперетки -